

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

HERMES

КВАНТОВЫЙ
ДЕМИУРГ

18+

Эдуард Сероусов
Квантовый Демиург

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Квантовый Демиург / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В 2070-х годах международная космическая станция «Гермес» исследует странную аномалию на орбите Юпитера, где законы физики искажаются непредсказуемым образом. Вера Соколова, гениальный физик-теоретик, возвращается на станцию после личной трагедии, чтобы разгадать тайну аномалии. То, что начинается как научное исследование, постепенно превращается в философское откровение: аномалия может быть не просто природным феноменом, а границей между вселенными, местом соприкосновения с высшим разумом. Вере предстоит не только научный прорыв, но и столкновение с глубинными вопросами о сущности реальности, сознания и месте человечества в космической иерархии бытия. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть I: Наблюдатели	5
Глава 1: Граница пустоты	5
Глава 2: Дрейфующие константы	14
Глава 3: Эхо сквозь время	27
Глава 4: Квантовый шепот	42
Глава 5: Ткань реальности	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эдуард Сероусов

Квантовый Демиург

Часть I: Наблюдатели

Глава 1: Граница пустоты

Вера Соколова смотрела в иллюминатор на черноту космоса, пытаясь разглядеть то, чего не должно было существовать. Станция "Гермес" медленно вращалась вокруг своей оси, и каждые сто двадцать секунд в поле зрения попадала аномалия – область пространства, где законы физики начинали сбоить, как неисправная программа. С расстояния в тридцать километров она выглядела как едва заметное искажение звездного поля, словно кто-то провел влажной тряпкой по идеальной картине ночного неба.

Люди прозвали ее Пустотой. Ученые предпочитали более формальный термин – "область пространственно-временной нестабильности класса Омега". Но Вера знала, что оба названия не отражают сути. Пустота не была пустой. И нестабильность имела свою структуру, свой порядок, просто он не соответствовал привычным представлениям о физике космоса.

– Доктор Соколова, – раздался за спиной голос, который она надеялась услышать последним. – Добро пожаловать обратно на "Гермес".

Вера медленно повернулась. Андрей Корнев, директор станции, стоял, скрестив руки на груди. Два года назад она покинула проект по его настоянию. Теперь вернулась – и, судя по поджатым губам Корнева, он этому не рад.

– Спасибо, директор, – ровным голосом ответила она. – Я ценю возможность продолжить исследования.

– Продолжить или начать заново? – В его голосе звучал плохо скрываемый сарказм. – За два года многое изменилось. Мы продвинулись далеко вперед в понимании аномалии.

– Я ознакомилась с отчетами.

Корнев усмехнулся.

– С теми, что были в открытом доступе. – Он сделал шаг ближе. – Послушайте, Вера Николаевна, я не против вашего возвращения. Руководство считает, что вы можете быть полезны проекту. Но давайте сразу расставим точки над "и" – вы здесь не для того, чтобы продвигать свои... теории.

Вера почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Две минуты разговора, и Корнев уже напомнил, почему она когда-то так легко согласилась покинуть станцию.

– Мои теории, как вы их называете, опираются на математически обоснованные модели, – холодно ответила она. – Если бы вы потрудились прочитать мои последние публикации...

– Я читал, – перебил ее Корнев. – И нашел их интересными. Но сейчас не время для экзотических гипотез. Нам нужны конкретные результаты. Совет директоров требует прогресса.

Он достал из кармана планшет, коснулся экрана и повернул его к Вере.

– Это ваш новый график. Лаборатория D-7 в вашем распоряжении с 08:00 до 18:00. Жилой модуль – В-12, рядом с медицинским отсеком. Доктор Морено хочет видеть вас завтра на стандартном осмотре. – Корнев сделал паузу. – Вы будете работать с Михаилом Левиным.

Вера вздрогнула, услышав это имя. Михаил. Еще одно незаконченное дело из прошлого.

– Я предпочла бы работать самостоятельно, – сказала она.

– А я предпочел бы, чтобы вас здесь не было, – парировал Корнев. – Но мы не всегда получаем то, что хотим, не так ли?

Он развернулся и зашагал по коридору, не дожидаясь ответа. Вера смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри нарастает сложная смесь злости, разочарования и странным образом – облегчения. По крайней мере, ей не придется притворяться, что между ними все в порядке.

Она снова повернулась к иллюминатору. Аномалия снова появилась в поле зрения. Искривленное пятно среди безупречной геометрии звезд. Всего три года назад никто и не подозревал о ее существовании. Теперь же тридцать пять человек круглосуточно изучали ее, пытаясь разгадать загадку, которая могла перевернуть все представления человечества о вселенной.

"Я найду тебя," – подумала Вера, глядя на еле заметное свечение аномалии. "Я найду ответ."

Комната В-12 была типичной для научной станции – функциональной и безликой. Белые стены, встроенная мебель, минимум личного пространства. Вера разложила вещи, стараясь придать жилищу хоть какой-то индивидуальности. На небольшой полке над рабочим столом она поставила единственную личную вещь, которую взяла с Земли, – небольшую голографическую фотографию дочери.

Лиза улыбалась, зажмурив глаза от солнца. Фотография была сделана за три месяца до того, как у нее диагностировали редкое генетическое заболевание, и за пять – до ее смерти. Тринадцать лет. Слишком мало для жизни. Слишком много для того, чтобы забыть.

Вера провела пальцем по краю фотографии, и голограмма ожила – Лиза засмеялась, обернувшись к камере, ее волосы развевались на ветру. Три секунды движения, заикленные навечно.

Тихий сигнал интеркома прервал ее мысли.

– Доктор Соколова? – Голос звучал неуверенно, с легким акцентом. – Это Ли Чен. Не могли бы вы подойти в лабораторию D-7? У нас возникла ситуация с данными, которые вы запрашивали.

Вера нахмурилась. Она еще не успела ничего запросить.

– Какими данными, доктор Чен?

Пауза.

– Лучше бы вам увидеть это лично. – Что-то в его голосе заставило ее насторожиться.

– Буду через пять минут, – ответила она, выключая интерком.

Станция "Гермес" представляла собой сложную конструкцию из соединенных между собой модулей, образующих шесть основных секторов. Лаборатория D-7 находилась в научном секторе, в двух минутах ходьбы от жилого модуля В. Вера быстро ориентировалась в пространстве станции – в конце концов, она участвовала в ее проектировании пять лет назад.

Добравшись до лаборатории, она приложила ладонь к сканеру, и двери бесшумно раздвинулись. Внутри царил полумрак, нарушаемый лишь голубоватым свечением голографических экранов. Ли Чен, невысокий человек с аккуратно подстриженной бородкой, стоял у центральной консоли, нервно постукивая пальцами по ее краю.

– Доктор Соколова, – кивнул он. – Спасибо, что пришли так быстро.

– Что происходит? – спросила Вера, подходя ближе.

– Я работал над алгоритмом анализа данных для исследования флуктуаций внутри аномалии, – начал он, активируя один из экранов. – И обнаружил странное несоответствие между данными в основной базе и резервных копиях.

– Несоответствие какого рода?

Ли коснулся экрана, и перед ними развернулась трехмерная модель аномалии – сложное переплетение цветных линий, обозначающих различные параметры.

– Это официальная модель, основанная на данных последних шести месяцев, – сказал он, а затем активировал второй экран. – А это – модель, которую я построил на основе необработанных данных из резервного хранилища.

Вера внимательно изучила обе модели. На первый взгляд они были почти идентичны, но при наложении становились заметны существенные различия.

– Кто-то редактировал данные, – медленно произнесла она.

– Или удалял определенные показания, – кивнул Ли. – Причем делал это избирательно. Смотрите, – он увеличил один из участков модели, – все данные, которые указывают на наличие паттерна в изменениях физических констант, отсутствуют в официальной версии.

– Паттерна? – Вера подалась вперед. – Какого рода паттерн?

– Не уверен. Это выходит за рамки моей специализации. – Ли помедлил. – Но я знаю вашу работу по квантовой космологии. Думал, может быть, вы сможете разобраться.

Вера почувствовала, как сердце забилось чаще. Ее теория. Два года назад Корнев высмеял ее предположение о том, что изменения физических констант внутри аномалии не хаотичны, а следуют сложному алгоритму. Из-за этой теории, в числе прочего, она и покинула проект.

– Почему вы показываете это мне, а не директору Корневу? – спросила она, хотя уже догадывалась об ответе.

Ли Чен опустил глаза.

– Потому что это не первый раз, когда я замечаю подобные расхождения. И я почти уверен, что директор знает о них.

Вера кивнула. Разумеется, Корнев знает. Вопрос в том, зачем ему скрывать эти данные?

– Кто еще в курсе?

– Насколько мне известно, никто, – Ли покачал головой. – Я обнаружил это только потому, что разрабатывал новый алгоритм анализа и решил проверить его на необработанных данных.

– Мне нужен доступ к этим данным, – решительно сказала Вера. – Полный доступ, к резервным копиям за весь период наблюдений.

Ли заколебался.

– Это... не совсем в рамках протокола. Вам понадобится разрешение директора или...

– Или кого-то с соответствующим уровнем доступа, – закончила за него Вера. – Михаил Левин все еще возглавляет отдел астрофизики?

– Да, но...

– Значит, он может предоставить такое разрешение. – Вера уже направлялась к выходу. – Спасибо, доктор Чен. Я ценю вашу... наблюдательность.

– Доктор Соколова, – остановил ее голос Ли. – Будьте осторожны. На станции... не все так, как кажется.

Вера обернулась, встретившись с ним взглядом.

– Я знаю, доктор Чен. Именно поэтому я здесь.

Найти Михаила оказалось проще, чем она ожидала. Он был в обсерватории – огромном куполообразном помещении с панорамными иллюминаторами и мощными телескопами, направленными на аномалию. Когда она вошла, он стоял спиной к двери, склонившись над одним из приборов.

Прошло два года, но Вера узнала бы этот силуэт где угодно. Широкие плечи, чуть сутулая осанка, копна каштановых волос, тронутых сединой на висках. Михаил Левин, блестящий астрофизик и человек, с которым у нее когда-то была связь, выходящая далеко за рамки профессиональных отношений.

Она сделала глубокий вдох.

– Привет, Миша.

Он обернулся так резко, что чуть не опрокинул стоявший рядом прибор.

– Вера? – Его лицо выражало такое изумление, что она почти улыбнулась. – Тебя не должно здесь быть.

– И тем не менее, я здесь, – пожала плечами она. – Корнев не предупредил тебя?

– Нет, – медленно произнес Михаил. – Он сказал только, что к команде присоединится специалист по квантовой теории. – Он сделал паузу. – После всего, что произошло, я не ожидал, что это будешь ты.

– После всего, что произошло, я сама не ожидала снова оказаться здесь.

Они стояли в нескольких метрах друг от друга, разделенные не столько физическим пространством, сколько двумя годами молчания и неразрешенных вопросов. Наконец, Михаил сделал шаг вперед.

– Мне очень жаль, что так вышло с Лизой, – тихо сказал он. – Я пытался связаться с тобой после похорон, но ты не отвечала.

– Я никому не отвечала, – сказала Вера. Голос предательски дрогнул, и она сделала паузу, прежде чем продолжить. – Это не имеет значения сейчас. Я здесь по делу.

– Конечно, – кивнул Михаил, мгновенно переключаясь в профессиональный режим. – Чем могу помочь?

– Мне нужен доступ к необработанным данным наблюдений за аномалией. Полный доступ, включая резервные копии.

Михаил нахмурился.

– Такой запрос должен проходить через директора.

– Мы оба знаем, что Корнев откажет, – прямо сказала Вера. – Как глава отдела астрофизики, ты можешь предоставить мне такой доступ в рамках сотрудничества между отделами.

– Для этого должна быть веская причина, Вера.

– Она есть. – Вера подошла ближе и понизила голос. – В официальных данных отсутствуют ключевые показатели. Кто-то намеренно скрывает информацию о паттернах изменений физических констант в аномалии.

Михаил долго смотрел на нее, и она видела, как в его глазах борются профессиональная осторожность и давнее доверие к ней.

– Это серьезное обвинение, – наконец сказал он. – У тебя есть доказательства?

– Будут, если ты дашь мне доступ к данным.

Еще одна пауза. Затем Михаил тяжело вздохнул и подошел к ближайшей консоли.

– Я предоставлю тебе временный доступ на сорок восемь часов, – сказал он, вводя команды в терминал. – Официальная причина – сверка моделей аномалии в рамках межотделового сотрудничества. – Он бросил на нее предупреждающий взгляд. – Если Корнев спросит, я ничего не знаю о твоих подозрениях.

– Спасибо, Миша. – Вера ощутила прилив благодарности, несмотря на явную дистанцию в их общении.

– Не благодари меня, – мрачно ответил он, заканчивая ввод команд. – Я делаю это не ради тебя.

– А ради чего?

Он поднял на нее взгляд, и в его глазах Вера увидела что-то, чего не ожидала, – страх.

– Потому что за последние три месяца в поведении аномалии произошли изменения. Изменения, которые нельзя объяснить в рамках стандартных физических моделей. – Он сделал паузу. – И эти изменения... пугают меня, Вера. Впервые в жизни астрофизика меня пугает.

– Что именно происходит?

Михаил покачал головой.

– Я не хочу влиять на твои выводы предвзятой интерпретацией. Посмотри данные сама. – Терминал издал сигнал о завершении операции. – Доступ активирован. Ты можешь работать с полной базой из своей лаборатории.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Вера.

Она повернулась к выходу, но голос Михаила остановил ее.

– Вера... – он помедлил. – Зачем ты вернулась? После всего, что произошло с Лизой, после твоего конфликта с Корневым... Почему сейчас?

Она не обернулась, но ответила:

– Потому что я должна знать, Миша. Должна знать, есть ли связь между тем, что происходит здесь, и тем, что случилось с моей дочерью.

– Связь? О чем ты говоришь?

– Мутация, убившая Лизу, – сказала Вера, все еще стоя спиной к нему, – не должна была существовать. Такая последовательность в ДНК статистически невозможна, если только...

– Если только что?

Теперь Вера обернулась, и ее глаза были сухими и решительными.

– Если только ее кто-то не создал.

Вернувшись в свою лабораторию, Вера провела следующие шесть часов, погрузившись в анализ данных. Исходные, необработанные показания приборов рассказывали историю, разительно отличающуюся от той, что представлялась в официальных отчетах.

Физические константы внутри аномалии действительно менялись, но не хаотично. Вера обнаружила алгоритмическую последовательность в изменениях – словно что-то или кто-то методично перебирал различные конфигурации базовых параметров вселенной.

Постоянная Планка, скорость света, гравитационная постоянная – все эти фундаментальные величины внутри аномалии слегка колебались, причем в строго определенной последовательности. Если наложить эти изменения на временную шкалу, получалась структура, напоминающая...

– Код, – прошептала Вера, глядя на голографическую модель, плавающую перед ней. – Это похоже на программный код.

Она откинулась на спинку кресла, пытаясь осмыслить увиденное. Если ее интерпретация верна, то аномалия не была естественным явлением. Она была искусственно созданным объектом, своего рода интерфейсом между... чем? Разными вселенными? Разными измерениями реальности?

Сигнал интеркома прервал ее размышления.

– Доктор Соколова, – раздался незнакомый женский голос, – это Жанна Кастро, инженер систем жизнеобеспечения. У меня возникла проблема, которая может быть связана с вашей областью исследований. Могли бы вы подойти в технический отсек С-9?

Вера нахмурилась. Что общего может быть у квантовой физики с системами жизнеобеспечения?

– В чем проблема, мисс Кастро?

– Предпочитаю обсудить лично. Это... необычно.

Что-то в голосе женщины заставило Веру насторожиться.

– Буду через пять минут.

Она сохранила все данные, защитив их дополнительным паролем, и направилась в технический сектор. С-9 находился на противоположном конце станции, и по пути Вера не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают. Дважды она оборачивалась, но коридоры были пусты.

Технический отсек С-9 представлял собой лабиринт трубопроводов, кабелей и серверных стоек, обеспечивающих работу систем жизнеобеспечения станции. Жанна Кастро, молодая женщина с короткими рыжими волосами и выразительными зелеными глазами, ждала у входа.

– Доктор Соколова, – она протянула руку. – Спасибо, что пришли.

– Просто Вера, – ответила физик, пожимая руку инженера. – Вы говорили о проблеме?

Жанна огляделась, словно проверяя, нет ли рядом лишних ушей, и понизила голос:

– Последние две недели я фиксирую странные колебания в составе воздуха на станции. Незначительные, в пределах нормы, но... ритмичные. – Она сделала паузу. – И эти ритмы совпадают с периодами активности аномалии.

– Какого рода колебания?

– Соотношение изотопов кислорода. Пропорция О-16 и О-18 меняется циклически. – Жанна подвела ее к одному из мониторов. – Смотрите, вот данные за последние десять дней.

Вера изучила график и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Колебания в составе воздуха следовали тому же паттерну, что и изменения физических констант в аномалии.

– Это невозможно, – прошептала она. – Аномалия находится в тридцати километрах от станции, в вакууме космоса. Она не может напрямую влиять на состав воздуха внутри "Гермеса".

– Я знаю, – кивнула Жанна. – Поэтому и позвала вас. Я инженер, а не физик. Но то, что происходит... – Она замаялась. – Это как если бы аномалия каким-то образом распространяла свое влияние на станцию. Или как если бы она... коммуницировала с нами.

Вера внимательно посмотрела на молодую женщину.

– Почему вы решили обратиться именно ко мне?

Жанна слегка смутилась.

– Я читала ваши работы. Те, что были опубликованы до вашего ухода из проекта. Ваша теория о коммуникативной природе квантовых флуктуаций... она единственная, что может объяснить то, что я наблюдаю.

– Вы сообщили об этом директору Корневу?

– Нет, – Жанна покачала головой. – Я пыталась обсудить это с главой инженерного отдела, но он списал все на сбой в калибровке датчиков. – Она встретилась взглядом с Верой. – Но я трижды перепроверяла калибровку. Это не ошибка.

Вера кивнула. Два независимых свидетельства – изменения физических констант и колебания в составе воздуха, следующие одному и тому же паттерну. Это не могло быть совпадением.

– Можете предоставить мне эти данные? Я хотела бы сравнить их с моими наблюдениями.

– Конечно, – Жанна быстро скопировала файлы на портативное устройство и передала его Вере. – Есть еще кое-что, – добавила она нерешительно. – Что-то... личное.

– Я слушаю.

– Последние несколько недель мне снятся странные сны. Геометрические узоры, математические формулы, которые я не понимаю. – Жанна неловко улыбнулась. – Звучит как бред, я знаю.

– Вовсе нет, – серьезно ответила Вера. – Когда это началось точно?

– Примерно три недели назад. После того, как я провела калибровку внешних датчиков, ближайших к аномалии.

– Вы записывали эти сны? Рисовали узоры, которые видели?

– Да, – удивленно ответила Жанна. – Откуда вы знаете?

– Потому что мне тоже снятся такие сны, – тихо сказала Вера. – С той минуты, как я снова увидела аномалию.

Они смотрели друг на друга, и в этот момент Вера поняла, что вернулась на "Гермес" не случайно. Что-то происходило на станции, что-то, выходящее за рамки обычной науки. И каким-то образом она оказалась в центре этих событий.

– Не обсуждайте это ни с кем, – предупредила Вера. – Я изучу данные и свяжусь с вами. Жанна кивнула.

– Будьте осторожны, доктор Соколова. Мне кажется, что не все на станции заинтересованы в том, чтобы правда об аномалии стала известна.

– Я знаю, – ответила Вера, вспоминая жесткий взгляд Корнева. – Поверьте, я знаю.

Ночью, лежа в своей каюте, Вера не могла уснуть. Мысли кружились вокруг полученных данных, странных совпадений и необъяснимого ощущения, что она стоит на пороге открытия, которое изменит все.

Аномалия не была случайным космическим феноменом. Она была искусственной – созданной разумно и целенаправленно. Но кем? И с какой целью?

Вера закрыла глаза, пытаясь упорядочить мысли. Сон накатывал волнами, и она балансировала на грани между бодрствованием и дремотой, когда увидела это – геометрический узор такой сложности и красоты, что он захватывал дыхание. Кристаллическая структура, в которой каждый элемент был частью большей системы, подчиненной единой математической формуле.

В полусне Вера поняла, что смотрит на внутреннюю структуру аномалии. И что еще более странно – аномалия тоже смотрела на нее.

Проснулась она резко, с чувством, будто кто-то окликнул ее по имени. Комната была пуста, но ощущение чужого присутствия не исчезало.

Вера включила свет и подошла к рабочему терминалу. Узор из сна все еще стоял перед глазами, и она начала быстро набрасывать его, пока воспоминание было свежим.

То, что получилось, напоминало сложную кристаллическую решетку, но с неожиданными нарушениями симметрии – словно кто-то намеренно внес искажения в идеальную структуру. Рядом Вера записала математическую формулу, описывающую узор, – она просто появилась в ее голове, как будто кто-то нашептал ее.

Затем она обратилась к файлам, полученным от Жанны. Сопоставление данных с собственными наблюдениями заняло несколько часов, но результат превзошел все ожидания. Колебания в составе воздуха станции действительно следовали тому же алгоритму, что и изменения физических констант в аномалии. Более того, если наложить этот паттерн на узор из ее сна, получалась почти идеальная корреляция.

"Это невозможно," – думала Вера, глядя на результаты анализа. Сон не мог предсказать реальные научные данные с такой точностью. Если только...

Если только это не был обычный сон. Если только аномалия каким-то образом не взаимодействовала с ее сознанием напрямую.

Вера почувствовала, как по телу пробежала дрожь – отчасти от страха, отчасти от возбуждения. Она была на пороге открытия, которое могло перевернуть все представления о реальности, сознании и природе вселенной.

Тихий сигнал терминала оповестил о входящем сообщении. Это было короткое текстовое сообщение без подписи:

"Библиотека, секция квантовой космологии, третья полка снизу, красная обложка. Ищите маргиналии."

Вера перечитала сообщение несколько раз, пытаясь понять, кто мог его отправить. Система не идентифицировала отправителя – как будто сообщение появилось из ниоткуда. Очередная аномалия на станции, полной странностей.

Она взглянула на часы – 4:17 утра. До официального начала рабочего дня оставалось почти четыре часа. Библиотека должна быть пуста в это время.

Решение пришло мгновенно. Вера накинула лабораторный халат и вышла из каюты.

Коридоры станции были тускло освещены – ночной режим, имитирующий земные сутки, чтобы не сбивать биоритмы экипажа. Вера быстро шла, стараясь не привлекать внимания немногочисленных ночных дежурных.

Библиотека находилась в образовательном секторе станции и представляла собой скорее архив, чем традиционное собрание книг. Большинство материалов хранилось в цифровом виде, но некоторые редкие издания, особенно старые научные труды, были представлены в бумажном формате.

Вера приложила карту-ключ к сканеру, и двери мягко разъехались в стороны. Внутри царил полумрак, нарушаемый лишь тусклым светом аварийных ламп и мерцанием терминалов.

Секция квантовой космологии находилась в дальнем углу. Вера быстро нашла указанную полку и провела пальцами по корешкам книг, пока не наткнулась на том в красной обложке без названия на корешке.

Она вытащила книгу и открыла ее. Это был старый учебник по теоретической физике, изданный еще в начале века. Но самым интересным были заметки на полях, сделанные мелким, аккуратным почерком.

Вера начала читать, и постепенно ее охватывало растущее изумление. Неизвестный ученый, которому когда-то принадлежала эта книга, излагал теорию, удивительно близкую к ее собственным догадкам. Он писал о возможности создания "карманных вселенных" путем манипуляции квантовым вакуумом, о математических моделях, описывающих процесс создания пространства-времени из ничего.

Но самое поразительное было в заключительных заметках:

"Если мы способны создавать вселенные, то логично предположить, что наша собственная вселенная также могла быть создана. Точка соприкосновения между создателем и творением будет проявляться как аномалия в ткани пространства-времени, где физические законы теряют свою незыблемость. Ищите такие аномалии – они ключ к пониманию природы реальности."

Вера закрыла книгу, чувствуя, как сердце колотится в груди. Заметки были датированы 2047 годом – за двадцать лет до обнаружения аномалии у Юпитера. Кто был этот пророческий ученый? И как его труд оказался в библиотеке "Гермеса"?

Она открыла форзац книги, надеясь найти имя владельца, и увидела надпись, от которой кровь застыла в жилах:

"Собственность Е.Н. Соколовой"

Елена Николаевна Соколова. Ее мать.

Глава 2: Дрейфующие константы

Вера сидела в пустой библиотеке, сжимая в руках книгу, которая не должна была существовать. Елена Соколова погибла двадцать пять лет назад в результате несчастного случая в лаборатории, когда Вере было всего тринадцать. Все эти годы Вера знала свою мать как талантливого, но малоизвестного физика-теоретика, чьи работы остались незамеченными научным сообществом.

А теперь перед ней лежал труд, в котором Елена Соколова предсказывала существование аномалии за два десятилетия до ее обнаружения.

– Кто подбросил мне эту книгу? – прошептала Вера, озираясь по сторонам. Библиотека оставалась пустой и тихой.

Она бегло пролистала книгу, пытаясь найти другие заметки или вложения. На последней странице была еще одна короткая надпись: "Они уже здесь. Они всегда были здесь."

Холодок пробежал по спине Веры. Кто "они"? О ком писала ее мать?

Мысли прервал тихий шорох. Вера резко обернулась и увидела фигуру в дверях библиотеки – доктор Елена Морено, бортовой психиатр станции.

– Бессонница, доктор Соколова? – спросила пожилая женщина, входя в помещение. – Или научное любопытство не дает покоя?

– Скорее второе, – ответила Вера, незаметно закрывая книгу и прижимая ее к себе. – А вы?

– В моем возрасте сон становится роскошью, – улыбнулась Морено. – Особенно в последнее время, когда атмосфера на станции стала такой... напряженной.

Она подошла ближе, и Вера заметила глубокие тени под глазами психиатра и легкую дрожь в руках.

– Вы в порядке, доктор Морено?

– В таком же порядке, как и все на этой станции, – уклончиво ответила та. – Что читаете? – Ее взгляд упал на книгу в руках Веры.

– Старый учебник по теоретической физике, – Вера решила не скрывать очевидное. – Случайно нашла его на полке.

– Случайно, – повторила Морено с едва заметной улыбкой. – На "Гермесе" в последнее время много случайностей, не находите?

– Что вы имеете в виду?

Морено огляделась, словно проверяя, нет ли поблизости камер наблюдения, и понизила голос:

– Вы вернулись в интересное время, доктор Соколова. Последние месяцы на станции происходят... необъяснимые вещи. Члены экипажа жалуются на странные сны, моменты дежавю, ощущения, что время течет неравномерно.

– Это могут быть просто последствия длительного пребывания в космосе, – осторожно заметила Вера.

– Могли бы, – кивнула Морено, – если бы эти симптомы не появились одновременно у разных людей и не совпадали бы с периодами повышенной активности аномалии. – Она сделала паузу. – Но самое интересное, что все эти люди описывают похожие образы в своих снах. Геометрические узоры. Математические формулы. Чувство чужого присутствия.

Вера почувствовала, как участился пульс. Те же самые образы, что видела она.

– Вы ведете записи этих случаев?

– Конечно, – кивнула Морено. – Я психиатр. Документирование – часть моей работы. – Она помедлила. – Хотя директор Корнев настоятельно рекомендовал мне не придавать этим

случаям слишком большого значения. Считает, что это может негативно повлиять на моральный дух экипажа.

Вера внимательно посмотрела на пожилую женщину.

– Но вы с ним не согласны.

– Скажем так, я предпочитаю составить собственное мнение, – ответила Морено. – И мне было бы интересно услышать вашу точку зрения как специалиста по квантовой теории.

Вера колебалась. Доверять ли психиатру? Может, это проверка, организованная Корневым?

– Я только вернулась на станцию, – сказала она уклончиво. – Еще не успела собрать достаточно данных для формирования гипотезы.

– Конечно, – кивнула Морено, хотя в ее глазах мелькнуло разочарование. – Если решите поделиться своими мыслями, я всегда открыта для дискуссии. – Она направилась к выходу, но остановилась в дверях. – Кстати, доктор Соколова, я знала вашу мать.

Вера застыла.

– Что?

– Елену Соколову, – повторила Морено. – Мы работали вместе в Московском институте в начале 40-х, до моего переезда в Америку. Блестящий ум. И очень смелый человек. – Она сделала паузу. – Слишком смелый, возможно.

– Вы знаете, над чем она работала? – Вера не смогла скрыть волнение в голосе.

– Теория множественных вселенных. Квантовые переходы между реальностями, – ответила Морено. – Работы, опередившие свое время. – Она пристально посмотрела на Веру. – Вы очень похожи на нее. И не только внешне.

С этими словами она вышла, оставив Веру наедине с новыми вопросами и книгой, которая, казалось, становилась все тяжелее в ее руках.

В 08:00 Вера была в своей лаборатории, полная решимости продолжить исследования. Первым делом она нашла безопасное место для книги матери – спрятала ее в отсеке под полом, где хранились запасные части для лабораторного оборудования. Затем приступила к анализу данных, полученных от Жанны Кастро.

Ее прервал стук в дверь. На пороге стоял Ли Чен, в руках у него был портативный терминал.

– Доктор Соколова, могу я войти?

– Конечно, – Вера жестом пригласила его внутрь. – И, пожалуйста, зовите меня Вера.

– Только если вы будете звать меня Ли, – улыбнулся он, входя в лабораторию. – Я разработал новый алгоритм для анализа паттернов в изменениях физических констант. Подумал, вам будет интересно.

– Очень интересно, – кивнула Вера. – Я как раз работаю над чем-то похожим.

Ли подключил свой терминал к главной системе лаборатории, и над рабочим столом развернулась трехмерная голографическая модель.

– Это визуализация изменений физических констант внутри аномалии за последние шесть месяцев, – объяснил он. – Каждый цвет представляет определенную константу: красный – скорость света, синий – гравитационную постоянную, зеленый – постоянную Планка и так далее.

Вера внимательно изучала модель. Цветные линии переплетались в сложном узоре, создавая структуру, напоминающую нейронную сеть.

– Это выглядит почти как...

– Сигнал, – закончил за нее Ли. – Или код. Что-то намеренно структурированное.

– Вы пытались декодировать его?

– Да, но без особого успеха, – признался Ли. – Моя специализация – программирование и анализ данных, но здесь нужны знания в области теоретической физики. Ваши знания.

Вера подошла к консоли и ввела несколько команд. Голографическая модель изменилась, добавились новые слои данных.

– Я добавила колебания в составе воздуха на станции, – объяснила она. – Данные, полученные от инженера систем жизнеобеспечения.

Ли наклонился ближе, его глаза расширились от удивления.

– Они следуют тому же паттерну! Но как аномалия может влиять на состав воздуха внутри станции?

– Это главный вопрос, – кивнула Вера. – Теоретически, это невозможно. Разве что...

Она замолчала, не решаясь высказать свою гипотезу вслух.

– Разве что аномалия – не просто искажение пространства-времени, а нечто более фундаментальное, – закончил за нее Ли. – Нечто, способное влиять на саму структуру реальности.

Вера внимательно посмотрела на молодого программиста. Он был гораздо проницательнее, чем казалось на первый взгляд.

– Именно. Но это означало бы, что аномалия в некотором роде... разумна. Или управляема разумом.

– Искусственное происхождение, – тихо произнес Ли. – Вы думаете, аномалия – творение разумных существ?

– Я не исключаю такую возможность, – осторожно ответила Вера. – Вопрос в том, кто или что могло бы создать такой объект? И с какой целью?

Ли задумчиво смотрел на мерцающую модель.

– Знаете, в даосской философии есть концепция У-вэй – "недеяния", когда что-то происходит само собой, естественно, без видимого вмешательства. Но при этом следует глубинному порядку вещей. – Он показал на переплетение цветных линий. – Это напоминает мне У-вэй. Как будто аномалия одновременно и действует, и не действует. Изменяет реальность, оставаясь при этом в гармонии с ней.

Вера с интересом взглянула на программиста.

– Вы изучали философию?

– В Китае сложно избежать влияния традиционных философских систем, – улыбнулся Ли. – Даже если ты специализируешься на квантовых алгоритмах и нейросетях.

– Интересная параллель, – признала Вера. – В западной философии это могло бы соответствовать концепции имманентности – присутствия божественного внутри самой структуры реальности.

– Божественного? – Ли приподнял бровь. – Не ожидал услышать такое от физика-теоретика.

– Это просто аналогия, – поспешно уточнила Вера. – Я не вкладываю в это религиозный смысл. Но если аномалия действительно является точкой соприкосновения между нашей вселенной и... чем-то внешним по отношению к ней, то с нашей точки зрения это "что-то" обладало бы качествами, которые в религиозной терминологии приписываются божеству.

Ли кивнул.

– Способность изменять физические законы. Создавать материю из ничего. Взаимодействовать с сознанием напрямую, через сны и видения. – Он сделал паузу. – Да, с функциональной точки зрения это соответствует многим религиозным представлениям о богах.

– Но мы ученые, – твердо сказала Вера. – И наша задача – найти рациональное объяснение феномену, а не прибегать к мистицизму.

– Согласен, – кивнул Ли. – И первый шаг – попытаться декодировать паттерн изменений. Если это действительно форма коммуникации, мы должны научиться ее читать.

Он начал набирать команды на терминале, создавая новый алгоритм для анализа данных.

– Что вы делаете? – поинтересовалась Вера.

– Применяю методы анализа естественных языков к паттерну изменений, – объяснил Ли. – Попробуем выявить базовую структуру, аналогичную грамматике или синтаксису.

– Но это предполагает, что паттерн является осмысленной коммуникацией, а не просто побочным эффектом какого-то физического процесса.

– Давайте проверим это предположение, – Ли продолжал вводить команды. – Если я прав, мы должны увидеть повторяющиеся элементы, эквивалентные словам или фразам.

Алгоритм заработал, анализируя данные и выявляя закономерности. Через несколько минут на экране появились первые результаты.

– Смотрите, – Ли указал на серию повторяющихся паттернов, выделенных алгоритмом. – Эти последовательности изменений повторяются с небольшими вариациями, как будто...

– Как будто кто-то пытается сказать одно и то же разными способами, – закончила Вера, чувствуя, как учащается пульс. – Как если бы они искали правильную "формулировку", которую мы сможем понять.

– Именно, – кивнул Ли. – И частота этих "сообщений" увеличивается за последние недели. Они становятся... настойчивее.

Вера задумалась.

– Если это коммуникация, то она должна быть двусторонней. Мы должны найти способ ответить.

– Но как? – спросил Ли. – Мы не можем произвольно менять физические константы.

– Нет, – согласилась Вера. – Но у нас есть зонды, которые мы отправляем в аномалию. Мы можем модифицировать их, чтобы они излучали сигналы, имитирующие паттерны, которые мы наблюдаем.

– Своего рода эхо? – Ли выглядел заинтригованным. – Повторить обратно то, что мы получаем, чтобы показать, что мы заметили сигнал?

– Именно, – кивнула Вера. – Это базовый принцип установления коммуникации с неизвестным разумом. Сначала продемонстрировать, что ты способен воспринимать сигнал, затем – что можешь его воспроизвести.

Ли задумался.

– Для этого нам понадобится доступ к зондам. А это означает – получить разрешение Корнева.

– Не обязательно, – Вера покачала головой. – Как глава отдела квантовой физики, я имею право проводить эксперименты с использованием стандартного оборудования. Нам просто нужно оформить это как рутинное исследование флуктуаций в аномалии.

– Хитро, – улыбнулся Ли. – Но что, если аномалия отреагирует непредсказуемым образом? Директор Корнев не зря ограничивает взаимодействие с ней.

– Или не зря скрывает информацию о ее истинной природе, – тихо сказала Вера. – Что, если он знает больше, чем говорит?

Ли внимательно посмотрел на нее.

– Вы ему не доверяете.

– А вы? – парировала Вера.

Ли помедлил.

– Я работаю на этой станции три года. За это время я заметил... странности. Несовпадения в отчетах. Исчезающие данные. Необъяснимые директивы. – Он сделал паузу. – И это началось задолго до вашего возвращения.

– Значит, мы понимаем друг друга, – кивнула Вера. – Подготовьте алгоритм для модуляции сигнала. Я займусь зондом. Проведем эксперимент завтра в 11:00, когда Корнев будет на ежедневном совещании с Землей.

– Договорились, – Ли начал собирать свое оборудование. – И, Вера... – он остановился у двери. – Будьте осторожны. То, что мы обнаружили... это больше, чем просто научный прорыв. Это может изменить все.

– Я знаю, – серьезно ответила она. – Именно поэтому мы должны продолжать.

После ухода Ли Вера продолжила анализ данных, но ее мысли постоянно возвращались к книге матери и странным словам доктора Морено. Если Елена Соколова действительно предсказала существование аномалии, то ее работы могли содержать ключ к пониманию феномена.

И еще одна мысль не давала Вере покоя: что, если смерть ее матери не была несчастным случаем? Что, если Елена Соколова подобралась слишком близко к истине, которую кто-то хотел сохранить в тайне?

В 13:00 Вера отправилась в столовую. Она не планировала задерживаться – просто перехватить что-нибудь быстрое и вернуться к работе. Но у входа столкнулась с Михаилом Левиным.

– Вера, – кивнул он. – Как продвигаются исследования?

– Продуктивно, – сдержанно ответила она. – Твой временный доступ оказался очень полезен.

Михаил огляделся по сторонам и понизил голос:

– Возможно, мы могли бы обсудить это в более приватной обстановке? Скажем, за обедом?

Вера колебалась. Ее отношения с Михаилом были сложными еще до ухода с проекта, а теперь между ними лежала еще и двухлетняя пропасть молчания.

– Хорошо, – наконец согласилась она. – Но только обсуждение работы.

Они взяли подносы с пищей и нашли уединенный столик в углу столовой.

– Итак, – начал Михаил, когда они сели, – что ты обнаружила?

– Данные подтверждают мою теорию, – ответила Вера, понизив голос. – Изменения физических констант следуют определенному паттерну. И этот паттерн становится все более сложным и структурированным со временем.

– Как будто эволюционирует, – задумчиво произнес Михаил. – Или обучается.

– Именно, – кивнула Вера. – И есть еще кое-что. Тот же паттерн обнаруживается в колебаниях состава воздуха на станции. Аномалия каким-то образом влияет на "Гермес", несмотря на расстояние.

Михаил нахмурился.

– Это невозможно. Законы физики...

– Перестают работать предсказуемым образом в присутствии аномалии, – закончила за него Вера. – Ты сам это знаешь, Миша. Ты видел данные.

Он долго смотрел на нее, затем медленно кивнул.

– Да, видел. И поэтому меня это так беспокоит. – Михаил сделал паузу. – Что ты планируешь делать дальше?

Вера на мгновение задумалась, стоит ли рассказывать ему о планируемом эксперименте с зондом, но решила пока воздержаться.

– Продолжать анализ. Искать корреляции. Пытаться понять природу аномалии.

– И ты действительно веришь, что это как-то связано со смертью Лизы? – спросил Михаил, его голос смягчился.

Вера напряглась.

– Я не знаю. Но мутация, которая убила ее... она была слишком специфичной. Слишком структурированной для случайной генетической ошибки.

– Ты проверяла эту гипотезу с генетиками?

– Конечно, – кивнула Вера. – Три разных специалиста. Все сказали одно и то же: такая последовательность мутаций статистически невероятна. Это как если бы кто-то намеренно переписал участок ее ДНК.

– Но кто? И зачем? – Михаил выглядел скептически. – Если только ты не предполагаешь, что аномалия каким-то образом...

– Я пока ничего не предполагаю, – перебила его Вера. – Я просто ищу ответы. И, кажется, я не единственная, кто это делает.

Она рассказала Михаилу о книге, которую нашла в библиотеке, опустив упоминание о том, что ее автором была ее мать.

– Кто-то целенаправленно привел меня к этой книге. Кто-то, кто знает больше, чем говорит.

– На станции триста пятьдесят человек, Вера, – вздохнул Михаил. – Любой мог отправить тебе это сообщение.

– Но кто знал о существовании этой конкретной книги? И о том, что ее содержание будет важно именно для меня?

Михаил помолчал, обдумывая ее слова.

– Что именно написано в книге?

Вера заколебалась. Стоит ли рассказывать Михаилу о работах матери? Доверяет ли она ему настолько?

– Теория о том, что наша вселенная могла быть искусственно создана, – наконец сказала она. – И что точки соприкосновения с "создателями" будут проявляться как аномалии в структуре пространства-времени.

Михаил присвистнул.

– Смелая гипотеза. И когда была написана эта книга?

– Маргиналии датированы 2047 годом. За двадцать лет до обнаружения аномалии.

– Потрясающе, – признал Михаил. – Но все же это лишь теоретические спекуляции. Без эмпирических доказательств...

– А изменения физических констант по структурированному паттерну? А влияние аномалии на состав воздуха станции? А синхронизированные сны членов экипажа? – Вера подавалась вперед. – Все это – эмпирические данные, Миша. И они указывают на то, что аномалия – не просто странное космическое явление. Она разумна. Или управляема разумом.

Михаил долго молчал, глядя куда-то поверх ее плеча.

– Если ты права... – наконец произнес он, – это будет величайшим открытием в истории человечества.

– Или величайшей угрозой, – тихо добавила Вера. – В зависимости от того, кто или что стоит по ту сторону аномалии. И каковы их намерения.

Их разговор был прерван появлением директора Корнева, который целенаправленно двигался к их столику.

– Доктор Соколова, доктор Левин, – кивнул он. – Рад видеть, что вы налаживаете... профессиональное сотрудничество.

В его голосе звучала едва заметная насмешка, от которой Вера внутренне поморщилась.

– Обсуждаем последние данные по аномалии, – ровным голосом ответил Михаил.

– Разумеется, – Корнев улыбнулся без тепла. – Доктор Соколова, не могли бы вы зайти ко мне в кабинет после обеда? Есть вопросы, которые требуют обсуждения.

– Конечно, директор, – кивнула Вера, пытаясь понять, обнаружил ли Корнев ее несанкционированный доступ к данным или ее планы по проведению эксперимента.

– Отлично, – Корнев снова улыбнулся своей холодной улыбкой. – Жду вас в 15:00.

Он удалился, и Вера обменялась взглядами с Михаилом.

– Как думаешь, он что-то заподозрил? – тихо спросила она.

– Не знаю, – Михаил покачал головой. – Но будь осторожна, Вера. Корнев не тот человек, с которым стоит играть в игры.

– Я не играю в игры, – серьезно ответила она. – Я ищу правду.

– Иногда это одно и то же, – грустно усмехнулся Михаил. – Особенно здесь, на "Гермесе".

В 15:00 Вера стояла перед дверью кабинета директора Корнева, пытаясь собраться с мыслями. Что бы ни случилось, она не могла позволить себе выдать свои истинные планы или подозрения.

Дверь открылась, и голос Корнева пригласил ее войти. Кабинет директора был одним из самых просторных помещений на станции – дань статусу. Большое панорамное окно выходило на аномалию, которая сейчас была видна как размытое пятно на фоне звезд.

– Присаживайтесь, доктор Соколова, – Корнев указал на кресло напротив своего стола. Вера села, сохраняя нейтральное выражение лица.

– Вы хотели меня видеть, директор.

– Да, – Корнев сложил руки на столе. – Я просмотрел логи системы и заметил, что вы запрашивали доступ к необработанным данным наблюдений. Через доктора Левина.

Вера сохраняла спокойствие. Она ожидала этого.

– Да, для сверки моделей аномалии. Стандартная процедура в рамках межотделового сотрудничества.

– Конечно, – кивнул Корнев. – Но обычно такие запросы проходят через меня.

– Я не хотела беспокоить вас рутинными вопросами, – Вера слегка улыбнулась. – Знаю, насколько вы заняты.

Корнев изучал ее несколько секунд, затем едва заметно кивнул.

– Хорошо. Но в будущем я предпочел бы быть в курсе всех ваших исследовательских инициатив, доктор Соколова. Особенно тех, которые касаются непосредственно аномалии.

– Разумеется, директор.

– Что вы обнаружили в этих данных? – спросил Корнев, слегка подавшись вперед. – Что-то, заслуживающее внимания?

Вера на мгновение задумалась. Насколько откровенной ей стоит быть?

– Я заметила некоторые закономерности в изменениях физических констант, – осторожно начала она. – Паттерны, которые могут указывать на структурированную природу аномалии.

– Продолжайте, – Корнев внимательно слушал.

– На данном этапе это лишь предварительные наблюдения, – Вера решила не раскрывать все карты. – Мне нужно провести дополнительный анализ, прежде чем делать какие-либо выводы.

Корнев откинулся в кресле.

– Знаете, доктор Соколова, когда вы покинули проект два года назад, многие считали, что это к лучшему. Ваши теории были... как бы это сказать... чрезмерно спекулятивными для строгой научной среды.

– Наука продвигается вперед благодаря спекуляциям, директор, – спокойно ответила Вера. – Сначала приходит гипотеза, затем – эксперимент для ее проверки.

– Верно, – кивнул Корнев. – Но есть разница между обоснованной гипотезой и... фантазией. – Он сделал паузу. – Два года назад вы утверждали, что изменения физических констант в аномалии следуют паттерну, напоминающему код или язык. Что это может быть форма коммуникации. – Еще одна пауза. – Вы все еще придерживаетесь этой теории?

Вера встретилась с ним взглядом.

– Данные указывают в этом направлении, директор.

Корнев долго смотрел на нее, затем неожиданно улыбнулся.

– Знаете, что самое ироничное, доктор Соколова? – он поднялся и подошел к панорамному окну, глядя на аномалию. – За последние шесть месяцев наши исследования начали указывать на то, что вы, возможно, были правы.

Вера не смогла скрыть удивление.

– Что?

– Да, – кивнул Корнев, не оборачиваясь. – Данные, которые мы собрали, особенно после запуска новой серии зондов, свидетельствуют о структурированной природе изменений внутри аномалии.

– Тогда почему скрывать это? – спросила Вера. – Почему удалять данные из официальных отчетов?

Теперь Корнев повернулся к ней, и его лицо было серьезным.

– Потому что есть вещи, которые выходят за рамки обычной науки, доктор Соколова. Вещи, которые могут иметь... политические и общественные последствия. – Он сделал паузу. – Представьте реакцию религиозных групп на Земле, если мы объявим, что обнаружили потенциальный "интерфейс" с создателями вселенной.

– Так вы это скрываете из соображений общественного спокойствия? – Вера не смогла скрыть скептицизм в голосе.

– Отчасти, – кивнул Корнев. – Но есть и другая причина. – Он вернулся к столу и активировал голографический дисплей. – Взгляните на это.

На дисплее появилось изображение странного устройства – сферической конструкции с множеством антенн и сенсоров.

– Что это? – спросила Вера.

– Мы называем его "Резонатор", – ответил Корнев. – Специальное устройство, разработанное для взаимодействия с аномалией. Оно способно генерировать сигналы, имитирующие паттерны, которые мы наблюдаем в изменениях физических констант.

Вера почувствовала, как сердце забилось быстрее. Именно такой эксперимент они с Ли собирались провести завтра, но, оказывается, Корнев уже был на шаг впереди.

– Вы пытаетесь коммуницировать с аномалией? – спросила она.

– Не совсем, – Корнев покачал головой. – Мы пытаемся понять ее природу через взаимодействие. Первые тесты запланированы на следующую неделю. – Он выключил дисплей. – И я хочу, чтобы вы руководили этим проектом, доктор Соколова.

Вера не смогла скрыть удивление.

– Я? Но почему?

– Потому что, как бы я ни относился к вашим методам, вы лучше всех понимаете теоретическую базу этого феномена. – Корнев сделал паузу. – И потому что, если ваша теория верна, и аномалия действительно является формой коммуникации... мы должны быть уверены, что понимаем, что именно мы говорим. И что нам отвечают.

Вера задумалась. Предложение было неожиданным и... подозрительным. Почему Корнев внезапно решил довериться ей после всех попыток ограничить ее исследования?

– Мне нужно подумать, – сказала она.

– Конечно, – кивнул Корнев. – У вас есть время до завтра. – Он снова подошел к окну, глядя на аномалию. – Знаете, доктор Соколова, что бы ни скрывалось по ту сторону этой аномалии... оно изменит все наши представления о реальности. И я хочу, чтобы мы были к этому готовы.

Вера смотрела на его силуэт, вырисовывающийся на фоне звезд, и не могла избавиться от ощущения, что за словами директора скрывается нечто большее. Что-то, о чем он не говорит.

– Я дам вам ответ завтра, – сказала она, поднимаясь.

– Хорошо, – кивнул Корнев, не оборачиваясь. – И, доктор Соколова... – он сделал паузу. – Будьте осторожны с вашими собственными экспериментами. Аномалия... реагирует на вмешательство. Иногда непредсказуемым образом.

Вера застыла, не зная, как реагировать. Корнев знал о ее планах? Или это было просто предостережение?

– Я всегда осторожна, директор, – наконец сказала она и вышла из кабинета, чувствуя, как взгляд Корнева буравит ей спину.

Вернувшись в свою лабораторию, Вера немедленно связалась с Ли.

– Корнев знает, – сказала она, как только программист появился на экране.

– О нашем эксперименте? – встревоженно спросил Ли.

– Не уверена, – призналась Вера. – Но у них уже есть устройство для коммуникации с аномалией. Они называют его "Резонатор". И Корнев хочет, чтобы я возглавила проект по его тестированию.

Ли присвистнул.

– Это неожиданно. Что ты собираешься делать?

– Я не знаю, – Вера потерла виски. – С одной стороны, это дает нам доступ к официальным ресурсам для изучения аномалии. С другой... я не доверяю Корневу. Он что-то скрывает.

– Может, стоит согласиться? – предложил Ли. – Это даст нам больше информации и возможностей.

– Возможно, – кивнула Вера. – Но сначала я хочу провести наш эксперимент. По исходному плану.

– Ты уверена? – Ли выглядел обеспокоенным. – Если Корнев узнает...

– Он сказал, что даст мне время до завтра для принятия решения. К тому моменту мы уже будем знать результаты нашего теста. – Вера сделала паузу. – Это важно, Ли. Я должна понять природу аномалии до того, как свяжу себя с официальным проектом Корнева.

Ли долго смотрел на нее через экран, затем кивнул.

– Хорошо. Я закончил алгоритм для модуляции сигнала. Зонд готов?

– Будет готов к утру, – ответила Вера. – Я модифицирую один из стандартных исследовательских зондов. Никто не заметит разницы.

– Встречаемся в 10:30 в лаборатории D-7, – сказал Ли. – И, Вера... – он помедлил. – Будь осторожна. Я проверил записи. За последние шесть месяцев было три инцидента с зондами, отправленными в аномалию. Официально их списали на технические неисправности, но...

– Но ты думаешь, что это реакция аномалии на вмешательство, – закончила за него Вера.

– Именно, – кивнул Ли. – И каждый раз реакция была более интенсивной.

Вера задумалась.

– Это может быть защитным механизмом. Или попыткой коммуникации, которую мы не понимаем. – Она вздохнула. – В любом случае, мы должны попытаться.

– Увидимся завтра, – Ли отключился, и экран погас.

Вера откинулась в кресле, размышляя о разговоре с Корневым. Что-то не сходилось в его внезапном признании и предложении. Почему он решил довериться ей именно сейчас? И что означало его предостережение?

Она вспомнила слова матери из книги: "Они уже здесь. Они всегда были здесь." Кто "они"? Создатели вселенной? Или что-то другое?

Вера потерла глаза, чувствуя накатывающую усталость. Слишком много вопросов и слишком мало ответов.

Ее мысли прервал тихий сигнал интеркома.

– Доктор Соколова? – раздался голос Жанны Кастро. – У меня новые данные о колебаниях в составе воздуха. И... кое-что еще.

– Что именно? – спросила Вера.

– Лучше бы вам увидеть это лично, – ответила Жанна. – Я в техническом отсеке С-9.

– Буду через десять минут, – сказала Вера, выключая интерком.

По пути в технический отсек она снова не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают. Дважды она останавливалась и оборачивалась, но коридоры были пусты.

Жанна ждала ее у входа в отсек С-9, нервно постукивая пальцами по консоли.

– Что случилось? – спросила Вера.

– Смотрите, – Жанна активировала один из экранов. – Вот данные о составе воздуха за последние двенадцать часов.

Вера изучила график и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Колебания в соотношении изотопов кислорода усилились в десятки раз, при этом следуя все тому же структурированному паттерну.

– Когда это началось?

– Примерно в то время, когда вы встречались с директором Корневым, – ответила Жанна. – И есть еще кое-что. – Она активировала второй экран. – Я обнаружила такие же колебания в системах жизнеобеспечения других модулей станции. Как будто... как будто вся станция пронизана этим паттерном.

Вера нахмурилась.

– Это невозможно. Системы модулей изолированы друг от друга именно для того, чтобы избежать каскадных сбоев.

– Я знаю, – кивнула Жанна. – Но факт остается фактом. Паттерн распространяется по всей станции, игнорируя физические барьеры.

Вера задумалась. Если аномалия действительно влияет на станцию на квантовом уровне, то изоляция систем не имела бы значения.

– Есть ли корреляция с активностью аномалии?

– Абсолютная, – подтвердила Жанна. – Каждое усиление колебаний в воздухе совпадает с всплеском активности в аномалии. – Она сделала паузу. – И я заметила еще кое-что странное. Активность аномалии, кажется, коррелирует с... вашими перемещениями по станции.

Вера застыла.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не хотела вас пугать, – нерешительно начала Жанна. – Но я проверила логи. Всплески активности аномалии часто совпадают с моментами, когда вы находитесь рядом с иллюминаторами или в помещениях с прямым обзором космоса.

– Это может быть совпадением, – сказала Вера, хотя внутри нее нарастало странное чувство тревоги.

– Может, – согласилась Жанна. – Но я проверила корреляцию для других членов экипажа. Ничего подобного.

Вера вспомнила ощущение из своего сна – чувство, что аномалия смотрит на нее. Что если это не было метафорой? Что если аномалия действительно каким-то образом осознавала ее присутствие?

– Есть еще кое-что, – добавила Жанна, понижая голос. – Те сны, о которых я говорила... они стали интенсивнее. И в них появился новый элемент. – Она помедлила. – Женская фигура. Всегда на периферии зрения, никогда не показывающая лица. Но она... направляет. Указывает на паттерны, на формулы.

Вера почувствовала, как участился пульс.

– Можешь описать ее подробнее?

– Высокая, худощавая, с длинными темными волосами, – Жанна нахмурилась, пытаюсь вспомнить детали. – Всегда в белом. И вокруг нее... как будто свечение, искажающее пространство.

Описание не соответствовало облику Веры, но почему-то вызывало в ней странный отклик. Образ казался смутно знакомым, хотя она не могла понять, почему.

– Ты говорила об этом с доктором Морено?

– Нет, – покачала головой Жанна. – Только с вами.

Вера кивнула, обдумывая полученную информацию.

– Давай пока оставим это между нами. И продолжим мониторинг колебаний.

– Есть еще кое-что, – сказала Жанна, оглядываясь по сторонам. – Сегодня утром я обнаружила странное устройство в одной из вентиляционных шахт. Оно не относится к стандартному оборудованию станции.

Она достала из кармана небольшой металлический цилиндр с мерцающими индикаторами.

– Что это? – спросила Вера.

– Похоже на анализатор воздуха, но с дополнительными функциями, – объяснила Жанна. – Оно собирает данные о колебаниях в составе атмосферы и передает их... куда-то. Я не смогла отследить сигнал.

Вера взяла устройство, внимательно его изучая.

– Корнев знает об этом?

– Не думаю, – покачала головой Жанна. – Устройство было тщательно спрятано. Я нашла его случайно, во время планового обслуживания.

– Значит, на станции кто-то проводит несанкционированные эксперименты, – задумчиво произнесла Вера. – Или собирает информацию в обход официальных каналов.

– Что нам делать? – спросила Жанна.

Вера задумалась.

– Сейчас – ничего. Я сохраню устройство и изучу его позже. – Она спрятала цилиндр в кармане лабораторного халата. – Продолжай мониторинг систем и сообщай мне о любых аномалиях. И, Жанна... – она сделала паузу. – Будь осторожна. Кажется, на "Гермесе" происходит больше, чем кто-либо из нас понимает.

Жанна кивнула, и в ее глазах Вера увидела смесь страха и решимости.

– Я буду осторожна. А вы?

– Я тоже, – пообещала Вера. – Завтра мы проведем эксперимент с аномалией. Если все пройдет успешно, мы можем получить ответы на некоторые из наших вопросов.

– А если нет?

Вера долго смотрела на молодую женщину, прежде чем ответить:

– Тогда, возможно, мы получим новые вопросы. И это тоже своего рода прогресс.

Покинув технический отсек, Вера направилась в свою лабораторию, чувствуя, как нарастает напряжение. Слишком много странностей, слишком много совпадений. Аномалия, кажется, распространяла свое влияние на станцию, на людей, на саму реальность. И почему-то она, Вера Соколова, оказалась в центре этого водоворота событий.

В лаборатории она спрятала странное устройство в потайном отделении под рабочим столом, затем вернулась к подготовке эксперимента. Модификация зонда заняла еще несколько часов, но к полуночи все было готово.

Завтра они с Ли попытаются установить контакт с аномалией – или с тем, что скрывается за ней. И этот контакт может изменить все.

Перед сном Вера еще раз проверила защиту на своих файлах и убедилась, что книга матери надежно спрятана. Затем она легла в постель, глядя на фотографию дочери, мерцающую голубоватым светом в полутьме каюты.

– Я найду ответы, Лиза, – прошептала она. – Обещаю.

Сон пришел неожиданно, и в нем Вера снова увидела кристаллическую структуру аномалии, но на этот раз она не просто наблюдала – она была частью этой структуры, одним из узлов в бесконечной сети взаимосвязанных точек. И где-то на периферии сознания она чувствовала присутствие другого разума – древнего, чужого и невероятно могущественного. Разума, который наблюдал за ней с таким же интересом, с каким она наблюдала за ним.

"Мы видим тебя, Вера Соколова," – прошептал голос, похожий на шелест квантовых флуктуаций. "Мы всегда видели тебя."

Глава 3: Эхо сквозь время

Вера проснулась резко, с ощущением, будто кто-то произнес ее имя. В каюте было тихо, лишь тихое гудение систем жизнеобеспечения нарушало тишину. Она посмотрела на часы – 4:17. Точно такое же время, как вчера, когда она получила загадочное сообщение о книге.

Совпадение? Или еще один паттерн в череде странных событий?

Сон все еще стоял перед глазами – кристаллическая структура аномалии и чужой разум, наблюдающий за ней. "Мы видим тебя, Вера Соколова. Мы всегда видели тебя." Слова эхом отдавались в ее сознании, вызывая странную смесь страха и любопытства.

Она встала, чувствуя, что уже не сможет уснуть. До начала эксперимента оставалось еще несколько часов, но Вера решила использовать это время для подготовки. Быстро приняв душ и одевшись, она направилась в свою лабораторию.

Коридоры станции были пусты и тускло освещены – ночной режим еще не сменился дневным. Вера шла быстро, стараясь не думать о странном ощущении, что за каждым поворотом ее может ждать нечто необъяснимое.

В лаборатории она первым делом проверила зонд, который подготовила для эксперимента. Все системы функционировали нормально, модификации были скрыты под стандартными протоколами. Затем она достала устройство, которое вчера передала ей Жанна, и начала его изучать.

Цилиндр был изготовлен из материала, напоминающего титановый сплав, но с необычными свойствами – он казался легче, чем должен был быть, и слегка вибрировал при прикосновении. Индикаторы на его поверхности мерцали в последовательности, которая показалась Вере знакомой.

Она подключила устройство к изолированному терминалу и запустила программу анализа. Результаты были озадачивающими – устройство действительно собирало данные о колебаниях в составе воздуха, но также фиксировало квантовые флуктуации на уровне, недоступном для стандартного оборудования станции.

Но самым странным было то, что передатчик устройства не использовал ни одного из стандартных протоколов связи. Он генерировал сигнал, который, казалось, существовал в квантовой суперпозиции, одновременно находясь и не находясь в обычном электромагнитном спектре.

– Это невозможно, – прошептала Вера, глядя на результаты анализа. – Такой технологии просто не существует.

Она отключила устройство и спрятала его обратно в потайное отделение. Кем бы ни был создатель этого прибора, его технологический уровень значительно превосходил современный земной.

В 7:00 Вера отправилась в столовую, чтобы позавтракать перед экспериментом. Она ожидала увидеть там Михаила или Ли, но вместо них за столиком в углу сидела доктор Морено, задумчиво глядя в пространство перед собой.

– Доброе утро, доктор Морено, – поздоровалась Вера, подходя с подносом.

– А, доктор Соколова, – пожилая женщина словно очнулась от транса. – Присоединяйтесь, если хотите.

Вера села напротив нее.

– Вы рано сегодня.

– Как и вы, – заметила Морено с легкой улыбкой. – Большие планы на день?

Вера подумала, стоит ли рассказывать о предстоящем эксперименте, и решила быть осторожной.

– Обычная работа. Анализ данных, моделирование.

Морено кивнула, но в ее глазах мелькнуло понимание.

– Знаете, Вера, – она впервые обратилась к физику по имени, – я наблюдаю за людьми на этой станции уже пять лет. Анализирую их поведение, реакции, психологическое состояние. – Она сделала паузу. – И я никогда не видела такого коллективного напряжения, как в последние месяцы.

– Это может быть связано с продолжительностью миссии, – предположила Вера. – Изоляция, ограниченное пространство...

– Нет, – покачала головой Морено. – Это что-то другое. Люди меняются, Вера. Не просто устают или испытывают стресс – они фундаментально меняются. – Она понизила голос. – Сны, о которых я вам говорила... они становятся более распространенными. И более детализированными. Люди видят одни и те же образы, слышат одни и те же фразы.

– Какие фразы? – спросила Вера, чувствуя, как участился пульс.

Морено наклонилась ближе.

– "Мы видим вас. Мы всегда видели вас." – Она сделала паузу, наблюдая за реакцией Веры. – Вам это знакомо, не так ли?

Вера сохраняла невозмутимое выражение лица, хотя внутри нее все похолодело. Те же самые слова, что она слышала в своем сне.

– Почему вы думаете, что мне это знакомо?

– Потому что вы дочь своей матери, – тихо сказала Морено. – И потому что я читала ее дневники.

Вера замерла.

– Ее дневники?

– Да, – кивнула Морено. – После смерти Елены я помогала разбирать ее вещи. Нашла несколько записных книжек. Большая часть была посвящена научным заметкам, но были и личные записи. – Она сделала паузу. – Елена описывала похожие сны. И те же самые слова.

– Это было двадцать пять лет назад, – медленно произнесла Вера. – Задолго до обнаружения аномалии.

– Именно, – кивнула Морено. – Что заставляет задуматься: действительно ли мы обнаружили аномалию три года назад? Или она всегда была здесь, просто мы научились ее видеть?

Вера обдумывала эту мысль. Если аномалия существовала задолго до ее официального обнаружения, это объясняло бы, как ее мать могла предсказать ее существование с такой точностью.

– Что случилось с дневниками? – спросила она.

– Большую часть забрали представители института, где работала Елена. Но один я сохранила. – Морено помедлила. – Личный дневник. Я думала, когда-нибудь передать его вам, но момент все не наступал. А потом вы стали физиком, присоединились к проекту "Гермес", и я подумала, что судьба сама ведет вас к открытиям вашей матери.

– У вас здесь этот дневник? – с надеждой спросила Вера.

– К сожалению, нет, – покачала головой Морено. – Он в моем доме в Монтерее. Но я могу рассказать, что помню. – Она сделала паузу. – Елена писала о "точках соприкосновения" между вселенными. Местах, где барьер между реальностями истончается, позволяя взаимодействие. Она считала, что такие точки могут проявляться как аномалии в ткани пространства-времени, но также могут существовать внутри сознания.

– Внутри сознания? – переспросила Вера.

– Да, она развивала теорию, что сознание само по себе является точкой соприкосновения между материальным миром и чем-то... другим. – Морено задумалась. – Она называла это "квантовым наблюдателем в макромасштабе". Идея, что сознание способно влиять на реальность на квантовом уровне, но этот эффект обычно не заметен из-за декогеренции. Однако

в присутствии аномалии эффект может усиливаться, позволяя прямое взаимодействие между сознанием и квантовыми процессами.

Вера внимательно слушала, чувствуя, как кусочки головоломки начинают складываться. Это объясняло бы, почему члены экипажа испытывали странные сны и видения – их сознание каким-то образом взаимодействовало с аномалией напрямую.

– А женская фигура в белом? – спросила она. – Она упоминала о ней?

Морено удивленно подняла брови.

– Да, упоминала. Она называла ее "Проводником". Сущность, существующая на границе между реальностями, способная перемещаться между ними. – Она внимательно посмотрела на Веру. – Вы тоже видели ее?

– Нет, – покачала головой Вера. – Но другие члены экипажа – да.

Это было не совсем правдой. Вера не видела фигуру сама, но чувствовала странное узнавание, когда Жанна описывала ее.

– Интересно, – задумчиво произнесла Морено. – В последние месяцы упоминания о этой фигуре встречаются все чаще в сессиях с членами экипажа. Некоторые описывают ее как высокую женщину с длинными темными волосами, всегда в белом. Другие видят лишь силуэт, окруженный странным свечением.

Вера хотела спросить еще что-то, но в этот момент ее коммуникатор издал сигнал. Сообщение от Ли: "Все готово. Жду в D-7."

– Простите, мне пора, – сказала Вера, вставая. – Но я хотела бы продолжить этот разговор.

– Конечно, – кивнула Морено. – И, Вера... – она помедлила. – Будьте осторожны сегодня. Что бы вы ни планировали, помните: аномалия реагирует не только на физическое вмешательство, но и на намерения. На сознание наблюдателя.

Вера внимательно посмотрела на пожилую женщину.

– Вы знаете, что мы планируем эксперимент.

– Я наблюдаю за людьми, – мягко улыбнулась Морено. – Это моя работа. – Она сделала паузу. – Елена была такой же решительной, как вы. Такой же бесстрашной в поиске истины. – В ее глазах мелькнула тень. – Надеюсь, ваш путь приведет к лучшему результату.

С этими словами она отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Вера еще несколько секунд смотрела на нее, затем быстро вышла из столовой, направляясь в лабораторию D-7.

Ли Чен уже ждал ее, нервно постукивая пальцами по консоли. Рядом с ним стоял модифицированный зонд – небольшой сферический аппарат с множеством сенсоров и антенн.

– Все готово, – сказал он, как только Вера вошла. – Я загрузил алгоритм и проверил системы. Зонд полностью функционален.

– Отлично, – кивнула Вера, подходя к консоли. – Корнев все еще на совещании?

– Да, оно началось десять минут назад. У нас есть примерно час.

Вера активировала систему управления зондом и вывела на экран параметры эксперимента.

– План такой: мы запускаем зонд в аномалию, на расстоянии 500 метров от ее условного центра он начинает передавать модулированный сигнал. Это будет эхо паттерна, который мы наблюдали в изменениях физических констант.

– Своего рода "мы вас слышим", – кивнул Ли.

– Именно, – подтвердила Вера. – Затем зонд продвинется еще на 200 метров и передаст второй сигнал – простую математическую последовательность. Числа Фибоначчи.

– Универсальный язык, – понимающе кивнул Ли. – Если что-то на той стороне способно понимать математику, это должно привлечь внимание.

– Да, и потенциально продемонстрировать наш интеллект и способность к абстрактному мышлению, – добавила Вера. – После этого зонд остается на месте в течение пяти минут, собирая данные, затем возвращается.

– А если аномалия отреагирует негативно? Как в тех трех случаях, о которых я говорил?

– Зонд запрограммирован на немедленное возвращение при любых признаках нестабильности, – заверила его Вера. – И у нас есть резервный протокол аварийного отзыва, который можем активировать в любой момент.

Ли глубоко вздохнул.

– Хорошо. Давай сделаем это.

Вера активировала последовательность запуска. На экране появилась трехмерная карта пространства вокруг станции, с отмеченной на ней аномалией. Зонд, обозначенный зеленой точкой, начал движение от станции к аномалии.

– Расчетное время до контакта с периферией аномалии – три минуты, – сообщил Ли, наблюдая за траекторией зонда.

Вера молча кивнула, не отрывая взгляда от экрана. Странное чувство нарастало внутри нее – смесь научного любопытства, волнения и необъяснимого страха. Она вспомнила слова Морено о том, что аномалия реагирует не только на физическое вмешательство, но и на намерения, и постаралась сосредоточиться на чистом научном интересе.

– Зонд достигает периферии аномалии... сейчас, – объявил Ли. На экране зеленая точка коснулась размытой границы аномалии и начала медленно погружаться в нее. – Все системы функционируют нормально. Телеметрия стабильна.

– Начинаем фиксировать изменения физических констант, – отметила Вера, глядя на поток данных. – Гравитационная постоянная флуктуирует в пределах 0,02%. Скорость света... – она замолчала, глядя на цифры. – Это странно. Скорость света увеличивается по мере продвижения зонда в аномалию.

– Это невозможно, – нахмурился Ли. – Скорость света в вакууме – фундаментальная константа.

– Очевидно, не в этой части пространства, – пробормотала Вера. – Зонд приближается к первой точке передачи. Расстояние до центра аномалии – 500 метров.

– Активация первого сигнала... сейчас, – Ли инициировал передачу.

Зонд начал излучать модулированный сигнал, имитирующий паттерн изменений физических констант, который они наблюдали в аномалии. На экране появилась визуализация сигнала – сложная последовательность волн, переплетающихся в трехмерный узор.

– Сигнал стабилен, – сообщил Ли. – Передача продолжается... 30 секунд... 60 секунд... – Он вдруг напрягся. – Вера, смотри!

На экране аномалия начала меняться. Ее размытая граница пульсировала, как будто реагируя на сигнал зонда. Поток данных ускорился, показывая резкие изменения в физических параметрах внутри аномалии.

– Она реагирует, – прошептала Вера. – Аномалия реагирует на наш сигнал!

– Первая фаза передачи завершена, – сообщил Ли. – Зонд продвигается к следующей точке. Расстояние до центра – 300 метров.

Вера внимательно наблюдала за потоком данных. Физические константы внутри аномалии менялись все быстрее, но не хаотично – они следовали новому паттерну, более сложному, но все так же структурированному.

– Это почти как... диалог, – пробормотала она. – Мы передали один паттерн, аномалия отвечает другим.

– Зонд достиг второй точки, – объявил Ли. – Активация математической последовательности... сейчас.

Зонд начал передавать последовательность чисел Фибоначчи – 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13... Простой, но узнаваемый паттерн, демонстрирующий понимание математики.

Реакция аномалии была мгновенной и поразительной. Вся ее структура словно вспыхнула, став на мгновение более плотной и четко определенной. Датчики на станции зафиксировали всплеск энергии неизвестного типа.

– Что происходит? – напряженно спросил Ли.

Вера не успела ответить. На экране появился новый поток данных – аномалия излучала сигнал, направленный прямо на зонд. Это была последовательность чисел, но не Фибоначчи.

– 1, 2, 4, 8, 16, 32... – прочитала Вера. – Степени двойки. Она отвечает нам другой математической последовательностью!

– Это... это подтверждает разумность, – Ли выглядел пораженным. – Это не просто реакция на раздражитель. Это осмысленный ответ.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок возбуждения. Они установили первый контакт с чем-то, что явно обладало интеллектом.

– Зонд остается на позиции, собирая данные, – сообщил Ли. – Четыре минуты до запланированного возвращения.

Вдруг все экраны в лаборатории мигнули и на мгновение погасли. Когда они включились снова, поток данных от зонда изменился. Теперь он передавал не только телеметрию и показания приборов, но и... что-то еще.

– Что это? – нахмурился Ли, глядя на странные последовательности символов, появляющиеся на экране. – Это не исходит от наших систем.

Вера изучала поток данных, чувствуя, как участится пульс.

– Это похоже на... код. Или язык. – Она быстро ввела команды в консоль. – Я запускаю программу анализа лингвистических паттернов.

Алгоритм начал работу, пытаясь найти закономерности в потоке символов. Через несколько секунд на экране появились первые результаты.

– Невероятно, – прошептала Вера. – Это действительно структурировано как язык. С синтаксисом, грамматикой, повторяющимися элементами.

– Аномалия пытается коммуницировать с нами напрямую, – Ли выглядел одновременно восхищенным и встревоженным. – Но как мы можем понять этот язык?

Вера задумалась.

– Нам нужна база для сравнения. Общий контекст. – Она быстро ввела новую команду. – Я отправляю через зонд базовые определения математических терминов. Числа, операции, геометрические понятия. Если аномалия поймет эти концепты, мы можем начать строить общий язык.

Зонд передал новую последовательность данных – простые математические определения, сопровождаемые визуальными представлениями.

Ответ пришел почти мгновенно, но не через зонд.

Все компьютерные системы в лаборатории одновременно отключились, а затем включились снова. На экранах появилась единая визуализация – сложная геометрическая структура, постоянно меняющаяся, эволюционирующая на глазах. Вдоль нее тянулись линии символов, напоминающих те, что передавал зонд, но более упорядоченные.

– Это невозможно, – выдохнул Ли. – Системы лаборатории изолированы от внешних сетей. Как аномалия может влиять на них напрямую?

Вера молча смотрела на экраны, ощущая странную смесь страха и благоговения. Нечто, обитающее в аномалии или за ней, только что продемонстрировало способность манипулировать электронными системами станции напрямую, игнорируя все протоколы безопасности.

– Зонд! – внезапно воскликнул Ли. – Его сигнал прерван!

Вера перевела взгляд на монитор с телеметрией зонда. Все показатели были на нуле, связь отсутствовала.

– Активируй протокол аварийного возврата, – быстро сказала она.

Ли ввел команду, но ничего не произошло.

– Не работает. Я не могу установить связь с зондом.

В этот момент все экраны в лаборатории вновь мигнули, и на них появилось изображение зонда. Он неподвижно висел в центре аномалии, окруженный странным свечением. Затем, на глазах у потрясенных ученых, зонд начал... распадаться. Не взрываться, не плавиться, а именно распадаться на составляющие, как будто кто-то разбирал его молекулу за молекулой.

– Аномалия разбирает зонд, – прошептал Ли. – Изучает его.

Через несколько секунд от зонда ничего не осталось. Экраны снова мигнули и вернулись к нормальному состоянию, показывая стандартные интерфейсы систем.

Вера и Ли молча смотрели друг на друга, пытаясь осмыслить увиденное.

– Что именно мы только что наблюдали? – наконец произнес Ли.

– Первый контакт, – тихо ответила Вера. – И демонстрацию технологии, выходящей далеко за пределы наших возможностей.

Они не успели обсудить это дальше. Дверь лаборатории с шипением открылась, и на пороге появился директор Корнев. Его лицо было бледным от ярости.

– Что вы наделали? – процедил он, входя в помещение. За ним следовали двое офицеров службы безопасности. – Вы представляете, какой риск создали для всей станции?

Вера встретила его взгляд спокойно.

– Мы провели эксперимент, директор. И получили результаты, подтверждающие мою теорию. Аномалия действительно является формой коммуникации. Или интерфейсом для коммуникации.

– Без разрешения! Без протоколов безопасности! – Корнев был в ярости. – Вы отправили модифицированный зонд в аномалию, инициировав контакт с неизвестным явлением, которое теперь демонстрирует способность влиять на наши системы!

– Откуда вы знаете о модификациях? – спросила Вера, нахмурившись. – И о воздействии на системы? Вы же были на совещании с Землей.

Корнев на мгновение замолчал, явно пытаясь совладать с гневом.

– Системы всей станции испытали кратковременный сбой. Все экраны показывали одно и то же изображение – вашего зонда внутри аномалии. – Он сделал паузу. – Что касается модификаций, я не вчера родился, доктор Соколова. Стандартные зонды не способны передавать структурированные сигналы типа тех, что зафиксировали наши датчики.

Вера переглянулась с Ли. Если изображение зонда появлялось на всех экранах станции, это означало, что влияние аномалии было еще более масштабным, чем они предполагали.

– Директор, – начала Вера, стараясь говорить спокойно и рассудительно, – эксперимент предоставил нам бесценные данные. Мы подтвердили, что аномалия реагирует на структурированные сигналы, демонстрирует понимание математики и пытается установить коммуникацию.

– Именно этого я и боялся, – мрачно ответил Корнев. – Вы хоть понимаете, что вы сделали? Вы инициировали контакт с сущностью, природа и намерения которой нам абсолютно неизвестны. Сущностью, которая теперь продемонстрировала способность влиять на наши системы.

– Директор, – вмешался Ли, – аномалия уже воздействовала на станцию и до нашего эксперимента. Колебания в составе воздуха, синхронизированные сны членов экипажа... Мы просто сделали это взаимодействие более... направленным.

– Вы превысили свои полномочия, – отрезал Корнев. – Оба отстранены от работы до дальнейшего уведомления. Офицеры, – он кивнул сопровождавшим его людям, – установите блокировку на всех терминалах этой лаборатории. Полный карантин систем.

– Это нерационально, – возразила Вера, стараясь сохранять спокойствие. – Данные, которые мы получили, бесценны для понимания природы аномалии. Вы сами вчера говорили о проекте "Резонатор". Наш эксперимент предоставил информацию, которая может быть критически важна для его успеха.

Корнев смотрел на нее несколько секунд, затем сделал офицерам знак подождать за дверью. Когда они вышли, он приблизился к Вере.

– Вы не понимаете, с чем играете, доктор Соколова, – его голос стал тише, но интенсивность не уменьшилась. – То, что скрывается в аномалии – не просто инопланетный разум или природное явление. Это нечто, способное переписывать саму реальность.

– Откуда вам это известно? – напрямик спросила Вера.

Корнев бросил взгляд на Ли, явно сомневаясь, стоит ли продолжать разговор в его присутствии.

– Я доверяю доктору Чену, – твердо сказала Вера. – Если вы хотите, чтобы я возглавила проект "Резонатор", нам понадобится его экспертиза.

Корнев несколько секунд буравил их взглядом, затем резко кивнул.

– Два года назад мы запустили серию экспериментов, похожих на ваш сегодняшний. Результаты были... тревожными. – Он сделал паузу. – Три зонда исчезли, а четвертый вернулся с данными, которые не должны были существовать.

– Какими данными? – спросил Ли.

– Математическими формулами, описывающими процессы, которые противоречат известным законам физики. Схемами устройств, принцип работы которых нам непонятен. И... – он заколебался, – предсказаниями. Некоторые из них уже сбылись.

– Например? – Вера подалась вперед.

– Солнечный шторм, разрушивший спутниковую сеть над Азией восемь месяцев назад. Землетрясение на Аляске. Прорыв в квантовых вычислениях, сделанный группой в Цюрихе. – Корнев потер лицо. – Детали, которые никто не мог предвидеть с такой точностью.

Вера и Ли обменялись взглядами. Если Корнев говорил правду, это означало, что сущность в аномалии не только понимала их язык и науку, но и обладала способностью видеть будущее – или влиять на него.

– Почему эта информация не была обнародована? – спросила Вера.

– Шутите? – Корнев горько усмехнулся. – Представьте последствия. Религиозные фанатики сочтут это доказательством существования бога. Правительства начнут борьбу за контроль над аномалией. Корпорации захотят использовать ее технологии. Это приведет к хаосу. – Он покачал головой. – Нет, эта информация доступна только высшим руководителям проекта и нескольким ключевым ученым. И теперь, к сожалению, вам двоим.

– И что теперь? – спросил Ли. – Вы все еще хотите отстранить нас?

Корнев вздохнул.

– Нет. Но я хочу, чтобы вы работали в рамках официального проекта. Под контролем. С соблюдением протоколов. – Он повернулся к Вере. – Вы возглавите научную часть проекта "Резонатор". Доктор Чен будет работать над алгоритмами коммуникации. Но все ваши действия должны согласовываться со мной. Никаких самостоятельных экспериментов. – Он сделал паузу. – Согласны?

Вера задумалась. Сотрудничество с Корневым давало ей доступ к ресурсам и информации, но также означало компромисс – ей пришлось бы действовать в рамках установленных им ограничений. С другой стороны, после сегодняшней демонстрации способностей аномалии было очевидно, что работа с ней требовала осторожности и координации.

– Согласна, – наконец сказала она. – При одном условии. Полная прозрачность. Я хочу знать все, что вам известно об аномалии.

Корнев колебался.

– Некоторая информация классифицирована на уровне правительств финансирующих стран.

– Тогда доступ к тому, что не классифицировано. И возможность подать заявку на получение доступа к остальному.

– Это приемлемо, – кивнул Корнев. – Доктор Чен?

– Я согласен на тех же условиях, – ответил программист.

– Хорошо. – Корнев выглядел не совсем удовлетворенным, но смирившимся. – Я отменю блокировку терминалов. Но все данные вашего эксперимента должны быть переданы в центральный архив проекта. – Он направился к выходу, но остановился в дверях. – И, доктор Соколова... – он обернулся. – Будьте осторожнее с тем, что ищете. Некоторые ответы могут оказаться опаснее вопросов.

Когда дверь за Корневым закрылась, Вера и Ли посмотрели друг на друга.

– Ты ему веришь? – тихо спросил Ли.

– Не полностью, – призналась Вера. – Но достаточно, чтобы понимать: он действительно боится аномалии. Или того, что в ней.

– А ты?

Вера задумалась.

– Я боюсь неизвестного, – наконец сказала она. – Но еще больше боюсь остаться в неведении.

Новости о странном инциденте со всеми экранами станции быстро распространились среди членов экипажа. К обеду в столовой только об этом и говорили, хотя официальное объяснение – сбой в системе синхронизации – многих не убедило.

Вера сидела одна, погруженная в мысли, когда рядом опустился поднос. Она подняла глаза и увидела Михаила.

– Я слышал о вашем эксперименте, – сказал он без предисловий. – Рискованно.

– Но результативно, – ответила Вера. – Мы подтвердили, что аномалия реагирует на коммуникацию и демонстрирует признаки разумности.

– И способность влиять на наши системы, – добавил Михаил, понизив голос. – Это не тревожит тебя?

Вера задумалась.

– Тревожит. Но также интригует. – Она сделала паузу. – Корнев назначил меня руководителем научной части проекта "Резонатор".

Михаил выглядел удивленным.

– Seriously? После сегодняшнего инцидента? Я думал, он будет в ярости.

– Он был. Но, кажется, осознал, что лучше иметь нас под контролем, чем отстранить и рисковать новыми несанкционированными экспериментами.

– Умно с его стороны, – кивнул Михаил. – И что это за проект "Резонатор"?

Вера коротко объяснила концепцию устройства, предназначенного для коммуникации с аномалией через модулированные сигналы, имитирующие паттерны в изменениях физических констант.

– Звучит рискованно, – заметил Михаил. – После того, что случилось с вашим зондом...

– Именно поэтому нам нужен осторожный подход, – сказала Вера. – И мне понадобится помощь отдела астрофизики для анализа влияния аномалии на окружающее пространство-время.

Михаил понял намек.

– Ты хочешь, чтобы я участвовал в проекте.

– Да. Твой опыт был бы неоценим.

Он долго молчал, глядя куда-то поверх ее плеча.

– Я не уверен, что это хорошая идея, Вера, – наконец сказал он. – Я наблюдаю за аномалией три года. И последние шесть месяцев ее поведение становится все более... непредсказуемым. – Он понизил голос. – Мы фиксируем локальные искажения пространства-времени. Моменты, когда причинно-следственные связи, кажется, нарушаются.

– Что ты имеешь в виду?

– В прошлом месяце один из наших детекторов зафиксировал гравитационную волну, идущую из аномалии. Через восемь минут после этого мы запустили зонд для исследования этого феномена. – Михаил сделал паузу. – Анализ показал, что гравитационная волна была создана столкновением зонда с областью повышенной плотности внутри аномалии.

Вера нахмурилась.

– Ты говоришь, что эффект предшествовал причине? Это невозможно.

– В нормальном пространстве-времени – да. Но внутри аномалии... – Михаил пожал плечами. – Мы наблюдали подобные эффекты трижды. Каждый раз сигнал от будущего события приходил раньше самого события.

Вера задумалась. Если время внутри аномалии текло не линейно, это объясняло бы способность сущности предсказывать будущие события, о которой говорил Корнев.

– Тем более важно, чтобы ты участвовал в проекте, – сказала она. – Нам нужен твой опыт и понимание этих феноменов.

Михаил вздохнул.

– Я подумаю. Но обещаю, что будешь осторожна, Вера. Взаимодействие с чем-то, что может манипулировать самим временем... – он покачал головой. – Это выходит за рамки всего, с чем мы сталкивались.

– Знаю. Именно поэтому это так важно.

Их разговор был прерван появлением Жанны Кастро, которая целенаправленно двигалась к их столику.

– Доктор Соколова, – она кивнула Вере, затем Михаилу. – Доктор Левин. Простите за вторжение, но мне нужно срочно поговорить с вами.

Что-то в ее голосе и напряженной позе заставило Веру насторожиться.

– Что случилось?

Жанна огляделась, затем понизила голос почти до шепота:

– Колебания в составе воздуха усилились десятикратно после вашего эксперимента. И они следуют новому паттерну. – Она протянула Вере планшет. – Взгляните.

Вера изучила данные на экране и почувствовала, как сердце забилось чаще. Колебания в соотношении изотопов кислорода теперь следовали паттерну, идентичному тому, что они наблюдали в ответном сигнале аномалии. Как будто аномалия продолжала коммуницировать, но теперь через состав воздуха на станции.

– Это происходит по всей станции? – спросила Вера.

– Да, но с разной интенсивностью. – Жанна указала на график. – Самые сильные колебания зафиксированы рядом с вашей лабораторией и... – она заколебалась.

– И?

– И рядом с вашей каютой, – закончила Жанна. – Как будто аномалия фокусируется на конкретных местах. Или людях.

Вера вспомнила слова Жанны о том, что активность аномалии коррелирует с ее перемещениями по станции.

– Когда началось усиление колебаний?

– Сразу после вашего эксперимента. И еще кое-что... – Жанна выглядела встревоженной. – Я начала слышать... голоса.

– Голоса? – переспросил Михаил.

– Да. Не постоянно. Только когда я нахожусь рядом с вентиляционной системой. Шепот, слова на непонятном языке. – Жанна нервно сцепила пальцы. – Я думала, это галлюцинации, но записала их на аудио. И когда проанализировала запись... – Она включила воспроизведение на планшете.

Из динамика послышался тихий шелестящий звук, похожий на шум ветра, но с едва различимой структурой, напоминающей речь.

– Это может быть просто акустический эффект воздуха в вентиляции, – скептически заметил Михаил.

– Я тоже так думала, – кивнула Жанна. – Но посмотрите на спектрограмму.

Она переключила экран, и перед ними появилась визуализация звука – сложный паттерн частот, формирующий узнаваемую структуру. Ту же самую, что они наблюдали в изменениях физических констант и в колебаниях состава воздуха.

– Это тот же паттерн, – тихо сказала Вера. – Аномалия использует акустические эффекты в вентиляции как еще один канал коммуникации.

– Или это ваш мозг интерпретирует случайный шум как знакомый паттерн, – возразил Михаил. – Парейдолия.

– Возможно, – согласилась Жанна. – Но как тогда объяснить это?

Она переключила экран снова, показывая два графика – колебания в составе воздуха и спектрограмму шепота. Они были идеально синхронизированы, изменяясь в одном и том же ритме.

– Это... трудно объяснить совпадением, – признал Михаил.

– У меня есть теория, – сказала Вера после паузы. – Если аномалия способна влиять на квантовые процессы, она может манипулировать материей на фундаментальном уровне. Изменять состав воздуха, создавать акустические эффекты, возможно, даже влиять на электронные системы, как мы видели сегодня.

– Но зачем? – спросил Михаил.

– Чтобы коммуницировать, – ответила Вера. – Она пытается найти способ общения, который мы сможем понять. Сначала через изменения физических констант, теперь через более... непосредственные методы.

– И эта коммуникация сосредоточена вокруг вас, доктор Соколова, – заметила Жанна. – Почему?

Вера не знала ответа, но внутри нее росло странное чувство, что ответ каким-то образом связан с ее матерью, с книгой в библиотеке и с загадочной женской фигурой из снов членов экипажа.

– Я не знаю. Но намерена выяснить, – она повернулась к Михаилу. – Теперь ты понимаешь, почему мне нужна твоя помощь? Это выходит за рамки обычной физики. Нам нужен междисциплинарный подход.

Михаил долго смотрел на нее, затем кивнул.

– Хорошо. Я в деле. Но мы действуем осторожно, Вера. Никаких импровизаций.

– Согласна, – кивнула она, затем повернулась к Жанне. – Продолжайте мониторинг колебаний и запись этих... шепотов. И будьте внимательны к любым изменениям в системах жизнеобеспечения.

– Конечно, – кивнула Жанна. – И еще кое-что... – Она заколебалась. – Эта женщина из моих снов, о которой я вам рассказывала. Она стала более... настойчивой. Как будто пытается что-то показать.

– Что именно? – спросила Вера.

– Число. Или последовательность чисел. 1-9-3-7. Она показывает их снова и снова, как будто это важно.

Вера нахмурилась. Числа не вызывали у нее никаких ассоциаций.

– Я подумаю об этом. И сообщите мне, если увидите что-то еще.

Жанна кивнула и удалилась, оставив Веру и Михаила наедине.

– Ты действительно считаешь, что эти сны и видения – форма коммуникации? – спросил Михаил.

– Я не знаю, – честно ответила Вера. – Но слишком много совпадений, чтобы игнорировать возможность. И если аномалия действительно может влиять на сознание... – Она оставила мысль незавершенной.

– Тогда мы уже не просто исследуем внешний феномен, – мрачно закончил Михаил. – Мы сами становимся частью эксперимента.

Вечером Вера наконец получила доступ к документации проекта "Резонатор". Устройство оказалось гораздо более сложным, чем она предполагала – сферическая конструкция диаметром около трех метров, содержащая продвинутые квантовые процессоры, генераторы модулированных полей и систему сенсоров, способных фиксировать малейшие изменения в фундаментальных константах.

Согласно документации, "Резонатор" был разработан для двух основных целей: коммуникации с аномалией через имитацию наблюдаемых паттернов и создания "защитного поля", которое теоретически могло бы предотвратить нежелательное влияние аномалии на станцию.

Интереснее всего был раздел о предыдущих экспериментах. Как упоминал Корнев, четвертый зонд, отправленный в аномалию, вернулся с данными, которые "не должны были существовать". Среди них были описания процессов квантовой телепортации, выходящих за рамки современных теоретических моделей, концепция "квантового сознания" как фундаментального свойства вселенной и странные математические формулы, описывающие "структуру мультивселенной".

Но самым тревожным был раздел о предсказаниях. Зонд передал последовательность чисел и символов, которые впоследствии были интерпретированы как даты и координаты событий – солнечного шторма, землетрясения, научного открытия. Все они сбылись с пугающей точностью.

И еще было предсказание, которое еще не реализовалось – дата и время без координат, сопровождаемые криптоической фразой: "Завеса разорвется". Дата была назначена через двадцать три дня.

Вера закрыла документацию, чувствуя смесь возбуждения и тревоги. Если аномалия действительно могла видеть будущее или каким-то образом влиять на него, это выводило их исследования далеко за пределы обычной науки.

Ее размышления были прерваны сигналом коммуникатора.

– Доктор Соколова? – раздался голос Ли Чена. – Вы должны это увидеть. Я в лаборатории D-7.

– Что случилось? – спросила Вера.

– Лучше увидеть лично. Это... трудно объяснить.

Через десять минут Вера была в лаборатории. Ли сидел перед мониторами, на которых отображались потоки данных и странные геометрические структуры.

– Что это? – спросила Вера, подходя ближе.

– Помните код, который аномалия передала через наш зонд? – Ли указал на один из экранов. – Я запустил его через алгоритм дешифровки, основанный на математических последовательностях, которыми мы обменивались.

– И?

– И получил это, – Ли активировал голографический дисплей, на котором появилась трехмерная модель сложной молекулярной структуры. – Это похоже на генетический код, но с модификациями, которые не соответствуют ни одному известному виду.

Вера изучала модель, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Структура выглядела как ДНК, но с дополнительными элементами, интегрированными в двойную спираль.

– Какова функция этих модификаций? – спросила она.

– Я не генетик, – покачал головой Ли. – Но судя по моделированию, эти изменения могли бы значительно повлиять на экспрессию генов, связанных с развитием нервной системы и мозга.

Вера почувствовала, как сердце пропустило удар. Генетические модификации, влияющие на развитие мозга. Мутация, убившая Лизу, затронула именно эти системы.

– Есть еще кое-что, – продолжил Ли. – Когда я запустил обратный анализ, пытаясь определить, как такая модификация могла возникнуть естественным путем, компьютер выдал странный результат. – Он активировал другой экран. – Эта последовательность могла появиться только при целенаправленном воздействии очень специфического типа радиации. Типа, который теоретически может возникать в пространстве вокруг аномалии.

Вера молчала, пытаясь осмыслить услышанное. Если аномалия каким-то образом влияла на генетический код живых существ, это открывало пугающие перспективы.

– Когда именно аномалия передала этот код? – наконец спросила она.

– В ответ на нашу математическую последовательность, – ответил Ли. – Как будто это было... сообщение. Или инструкция.

– Но зачем аномалия передала бы генетический код? – пробормотала Вера, скорее себе, чем Ли.

– Может быть, это не просто сообщение, – задумчиво сказал Ли. – Может быть, это... чертеж?

Вера посмотрела на него.

– Чертеж чего?

– Новой формы жизни? – предположил Ли. – Или модификации существующей? – Он сделал паузу. – Или интерфейса.

– Интерфейса?

– Да. Если аномалия ищет способ коммуницировать с нами более напрямую, логичным решением было бы создание биологического интерфейса. Организма или модификации организма, способной воспринимать сигналы, которые обычный человеческий мозг не может обработать.

Вера вспомнила слова матери из книги: "Они уже здесь. Они всегда были здесь." Что, если "они" не существа из другой вселенной, а люди, генетически модифицированные для взаимодействия с аномалией? Что, если ее мать была одной из них? И что, если Лиза...

– Нам нужно показать это генетику, – сказала Вера. – Кто-то должен проанализировать эту последовательность более детально.

– Я уже отправил запрос доктору Кляйну из биомедицинского отдела, – кивнул Ли. – Но не сказал ему об источнике. Представил как теоретическую модель для анализа.

– Хорошо, – одобрила Вера. – Чем меньше людей знает о наших исследованиях, тем лучше. По крайней мере, пока мы не поймем, с чем имеем дело.

Она еще раз посмотрела на голографическую модель молекулы. Мысль о том, что аномалия могла каким-то образом влиять на генетический код, была тревожной. Но еще более тревожной была мысль, что это влияние могло быть целенаправленным и продолжаться уже давно, возможно, десятилетиями.

– Ли, – медленно произнесла Вера, – мне нужно, чтобы вы еще кое-что проверили. Возможно ли, что числа 1-9-3-7 как-то связаны с этим генетическим кодом?

– Почему именно эти числа? – удивился Ли.

Вера рассказала ему о снах Жанны и о женской фигуре, показывающей эту последовательность.

– Интересно, – задумался Ли. – Проверим.

Он ввел команду, и компьютер начал анализ.

– Есть совпадение, – удивленно сказал он через несколько секунд. – 1937 – это позиция в генетической последовательности, где начинается критическая модификация. – Он посмотрел на Веру. – Как Жанна могла знать это?

– Не Жанна, – тихо сказала Вера. – Фигура из ее снов. Проводник.

– Кто?

– Неважно, – покачала головой Вера. – Важно то, что эта последовательность действительно существует и связана с модификациями. Это подтверждает, что сны могут быть формой коммуникации.

Она подошла к окну, глядя на звездное небо и едва заметное свечение аномалии вдалеке.

– Нам нужно ускорить работу над "Резонатором", – сказала она. – Если аномалия пытается коммуницировать так многими способами, значит, у нее есть что сказать. И я думаю, нам стоит послушать.

Той ночью Вера снова видела сон. Она парила в пространстве, окруженная кристаллической структурой аномалии. Но на этот раз она не просто наблюдала – она была частью структуры, одним из узлов в бесконечной сети взаимосвязанных точек.

И она была не одна. Рядом с ней двигалась женская фигура в белом, ее лицо скрывал яркий свет, исходящий изнутри. Женщина указывала на различные части структуры, и каждый раз, когда она это делала, Вера видела вспышку понимания – как работает аномалия, как она связана с тканью реальности, как она может служить мостом между вселенными.

"Они создали нас," – прошептал голос, который, казалось, звучал отовсюду. "А мы создали их. Бесконечный цикл творения."

Женщина повернулась к Вере, и на мгновение свет вокруг ее лица приглушился, позволяя разглядеть черты.

Вера проснулась с криком, сердце колотилось в груди. Лицо женщины из сна – это было лицо ее дочери, Лизы. Но не такой, какой она была перед смертью – измученной болезнью, а здоровой, сияющей, с глазами, полными древней мудрости.

Вера посмотрела на часы – 4:17. Снова то же самое время. Она включила свет и подошла к фотографии дочери, стоявшей на полке. Лиза улыбалась своей обычной детской улыбкой, так непохожей на мудрый, почти неземной взгляд существа из сна.

Но что-то в фотографии привлекло внимание Веры. Она активировала голограмму, и изображение Лизы оживило, она повернулась к камере, смеясь. В этот момент, на долю секунды, ее глаза словно вспыхнули странным светом.

Вера замерла, затем перезапустила голограмму. Вот оно – еле заметное свечение в глазах Лизы, длящееся лишь мгновение. Как она не замечала этого раньше?

Она села за терминал и вызвала все медицинские записи о Лизе, которые были у нее с собой. Отчеты о генетических тестах, результаты сканирования мозга, истории болезни. Она просматривала их, ища что-то необычное, что могло бы связать мутацию Лизы с генетическим кодом, переданным аномалией.

И она нашла это – в описании мутации, убившей Лизу. Специфическая последовательность в позиции 1937, точно такая же, как в коде от аномалии. Но в случае Лизы модификация была неполной, нестабильной, что привело к прогрессирующей дегенерации нервной ткани.

Вера откинулась на спинку кресла, пытаясь осмыслить открытие. Если ее догадка верна, мутация Лизы не была случайной генетической ошибкой. Это была попытка создать тот самый "интерфейс", о котором говорил Ли. Попытка, которая пошла не так.

Но кто стоял за этим? Аномалия? Или кто-то, кто знал о ней задолго до официального открытия?

Вера вспомнила книгу матери и ее записи о "точках соприкосновения" между реальностями. Что, если Елена Соколова не просто теоретизировала об аномалиях? Что, если она работала с одной из них?

Догадка сформировалась внезапно и пугающе ясно: эксперименты, которые привели к смерти ее матери, могли быть связаны с аномалией. И каким-то образом это влияние передавалось дальше, затронув генетический код Лизы. Три поколения женщин в ее семье, связанных с чем-то, что существовало за гранью обычной реальности.

Вера почувствовала, как по телу пробежала дрожь – отчасти от страха, отчасти от благоговейного трепета. Она стояла на пороге открытия, которое могло объяснить не только природу аномалии, но и трагедии, определившие ее жизнь.

Ее мысли прервал тихий сигнал коммуникатора.

– Доктор Соколова? – раздался встревоженный голос дежурного офицера. – Простите за беспокойство в такой час, но у нас аномальная ситуация. Один из исследовательских зондов, который был в ангаре... он только что материализовался в запечатанной лаборатории В-5. Никто не понимает, как это произошло.

Вера вздрогнула, вспомнив слова Михаила о нарушении причинно-следственных связей.

– Какой именно зонд? – спросила она.

– Это странно... – офицер заколебался. – По маркировке, это тот самый зонд, который исчез сегодня во время вашего эксперимента. Но он выглядит... иначе.

– Иначе?

– Да. Его конструкция изменена. Добавлены компоненты, которых не было изначально. И на его поверхности... странные символы. Директор Корнев уже направляется туда и просил вас присоединиться.

– Буду через пять минут, – ответила Вера, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Она быстро оделась и направилась к лаборатории В-5, понимая, что эта ночь может изменить все их представления о природе аномалии. И, возможно, о природе самой реальности.

Глава 4: Квантовый шепот

Вера быстро шла по коридорам станции, ее шаги эхом отдавались в ночной тишине. Происходящее нарушало все известные законы физики: зонд, дематериализовавшийся в аномалии, каким-то образом вернулся – изменённый, модифицированный, словно побывавший в чьей-то мастерской.

У лаборатории В-5 уже собралась небольшая группа людей: Корнев, двое офицеров безопасности и Михаил Левин, который, видимо, тоже получил срочный вызов.

– А, доктор Соколова, – кивнул Корнев. Его обычно безупречно уложенные волосы были растрёпаны, на лице застыло выражение тревоги и недоумения. – Взгляните на это.

Он провёл карточкой по считывателю, и дверь лаборатории с шипением открылась. В центре стерильно-белого помещения, на исследовательском столе, лежал их зонд – но не такой, каким они его запускали. Устройство увеличилось в размере примерно на треть, его гладкая поверхность была покрыта странными символами, напоминающими те, что передавала аномалия. К стандартным сенсорам и антеннам добавились новые компоненты неизвестного назначения.

– Как это возможно? – пробормотала Вера, подходя ближе. – Зонд дематериализовался у нас на глазах.

– А теперь материализовался в запечатанной лаборатории, – мрачно ответил Корнев. – Нарушая все известные законы физики и охраны станции.

– Когда именно это произошло? – спросила Вера.

– В 4:17, – ответил один из офицеров. – Датчики зафиксировали всплеск неизвестной энергии, а затем зонд просто... появился.

Вера замерла. Снова 4:17. То же время, когда она получила сообщение о книге, то же время, когда просыпалась от снов об аномалии, то же время, когда проснулась сегодня после видения Лизы.

– Мы установили карантин, – продолжил Корнев. – Никто не приближается к зонду без защитного снаряжения. Предварительное сканирование не показывает радиации или биологических угроз, но...

– Но мы не знаем, с чем имеем дело, – закончил за него Михаил. – Это может быть что угодно.

– Я хочу его изучить, – решительно сказала Вера. – Если аномалия вернула зонд, значит, у неё была причина. Может быть, это ответ на наш сигнал. Или что-то большее.

Корнев колебался.

– Это рискованно. Мы не знаем, что может случиться, если мы активируем зонд или потревожим новые компоненты.

– Риск есть всегда, – возразила Вера. – Но неизвестность опаснее. – Она сделала паузу. – Директор, мы впервые получили физический объект, модифицированный аномалией. Это бесценная возможность понять, с чем мы имеем дело.

Корнев обменялся взглядами с Михаилом.

– Доктор Левин?

Михаил задумался, затем кивнул.

– Я согласен с Верой. Нам нужно изучить зонд. Но с максимальными предосторожностями. Дистанционно, через роботизированное оборудование.

– Хорошо, – сдался Корнев. – Но я хочу протокол исследования на утверждение через час. И никаких действий без моего прямого разрешения. – Он повернулся к офицерам. – Усилить охрану. Никто не входит в эту лабораторию без моего личного разрешения.

Когда офицеры удалились, Корнев посмотрел на Веру и Михаила.

– Что бы ни происходило, ситуация выходит из-под контроля. Аномалия становится... активнее. Агрессивнее.

– Или просто более коммуникативной, – заметила Вера. – Директор, вы упоминали о предсказаниях, которые были получены от предыдущего зонда. О событии через двадцать три дня, когда "завеса разорвётся". Что это значит?

Корнев выглядел удивлённым.

– Вы имели доступ только к общей документации проекта. Эта информация была в засекреченном приложении.

– К которому у меня появился доступ сегодня вечером, – спокойно ответила Вера. – Согласно нашей договорённости о прозрачности.

Корнев вздохнул.

– Мы не знаем, что означает эта фраза. Наши аналитики предполагают разные сценарии: от прорыва аномалии в нашу реальность до какого-то важного открытия.

– Или буквальное разрушение барьера между нашей вселенной и чем-то... внешним, – тихо добавил Михаил.

– В любом случае, – продолжил Корнев, – я увеличил частоту коммуникаций с Землёй и запросил дополнительные ресурсы для проекта "Резонатор". Если что-то должно произойти через двадцать три дня, нам нужно быть готовыми.

– Разумное решение, – согласилась Вера. – Но я думаю, этот зонд, – она указала на изменённое устройство, – может содержать информацию, которая поможет нам понять, что именно нас ожидает.

– Тогда действуйте, – кивнул Корнев. – Но помните: безопасность прежде всего. Я не хочу потерять ни одного члена экипажа из-за... чего бы там ни было в этой аномалии.

Он вышел, оставив Веру и Михаила наедине с таинственным зондом.

– Поразительно, – пробормотал Михаил, подходя ближе к стеклянной перегородке, отделяющей их от исследовательского стола. – Посмотри на эти символы. Они похожи на те, что передавала аномалия через твой зонд, но более... структурированные. Как будто это завершённые предложения, а не отдельные слова.

Вера изучала символы, чувствуя странное ощущение, что где-то уже видела их раньше.

– И эти дополнительные компоненты... – продолжал Михаил. – Они выглядят почти органическими. Как будто выращены, а не сконструированы.

– Мне нужен Ли Чен, – сказала Вера. – Его алгоритм дешифровки может помочь разобрать эти символы. И, возможно, доктор Кляйн из биомедицинского отдела. Если эти компоненты действительно органические, нам понадобится его экспертиза.

– Я свяжусь с ними, – кивнул Михаил. – А пока давай подготовим протокол исследования для Корнева.

Они работали следующий час, планируя детальное, пошаговое исследование зонда. Безопасность была приоритетом: никакого прямого контакта, все манипуляции через роботизированное оборудование, постоянный мониторинг энергетических сигнатур и возможных излучений.

К 6:00 лаборатория уже кипела активностью. Прибыли Ли Чен и доктор Кляйн – невысокий полноватый мужчина с аккуратной седеющей бородкой. Корнев одобрил протокол с минимальными изменениями, и исследование началось.

Первым шагом было детальное сканирование зонда – оптическое, рентгеновское, магнитно-резонансное. Результаты подтвердили интуицию Михаила: многие из новых компонентов действительно имели органическую природу, хотя их структура не соответствовала ни одному известному биологическому материалу.

– Это похоже на гибрид, – задумчиво произнёс доктор Кляйн, изучая трёхмерную модель внутренней структуры зонда. – Интеграция органических и неорганических элементов на молекулярном уровне. Что-то вроде... технологической экосистемы.

– Можете определить функцию этих компонентов? – спросила Вера.

– Пока только предположения, – ответил Кляйн. – Некоторые структуры напоминают нейронные сети, другие – что-то вроде органических антенн или рецепторов. Как будто зонд был преобразован в нечто, способное воспринимать сигналы, недоступные стандартному оборудованию.

– Может быть, квантовые флуктуации? – предположил Михаил. – Мы знаем, что аномалия каким-то образом манипулирует квантовыми процессами.

– Возможно, – кивнул Кляйн. – Но есть что-то ещё... – он увеличил изображение центральной части зонда. – Видите эту спиральную структуру? Она напоминает ДНК, но с дополнительными элементами. Почти как тот теоретический генетический код, который вы прислали мне на анализ, доктор Чен.

Вера и Ли обменялись взглядами. Код, переданный аномалией, теперь материализовался в физической форме.

– А символы? – спросила Вера, поворачиваясь к Ли. – Удалось что-нибудь расшифровать?

– Частично, – кивнул Ли, активируя свой терминал. – Я применил алгоритм, основанный на математических паттернах, которыми мы обменивались с аномалией. Результаты предварительные, но... интригующие.

На экране появилась последовательность символов с возможными переводами. Большая часть осталась неясной, но некоторые фразы были переведены:

"Мост между... [неизвестно]" "Видеть сквозь... [неизвестно]" "1937... ключ... [неизвестно]" "Она/он/они ждут... [неизвестно]"

– Снова 1937, – тихо заметила Вера. – Позиция критической генетической модификации.

– Что это значит? – спросил Михаил.

Вера коротко объяснила связь между числом из снов Жанны, генетическим кодом, переданным аномалией, и мутацией, убившей Лизу.

– Ты думаешь, здесь есть связь? – Михаил выглядел скептически.

– Слишком много совпадений, чтобы игнорировать возможность, – ответила Вера. – Доктор Кляйн, могли бы вы сравнить генетическую структуру в зонде с последовательностью, которую передал вам Ли? И с этой, – она протянула ему чип с данными о мутации Лизы.

Кляйн взял чип, бросив на неё вопросительный взгляд, но не стал спрашивать о происхождении данных.

– Это займёт некоторое время, – сказал он. – Но да, я проведу сравнительный анализ.

– А что с самим зондом? – спросил Корнев, который всё это время молча наблюдал за работой учёных. – Он функционален? Может передавать или принимать сигналы?

– Похоже на то, – ответил Михаил. – Сканирование показывает активность в энергетических системах. Но мы не активировали его из соображений безопасности.

– И правильно, – кивнул Корнев. – Но если это действительно форма коммуникации... возможно, мы должны рискнуть.

Вера удивлённо посмотрела на директора. Это было неожиданно – Корнев, обычно придерживавшийся максимально осторожного подхода, теперь предлагал рискнуть.

– Вы предлагаете активировать зонд? – уточнила она.

– В контролируемых условиях, – кивнул Корнев. – Изолированная система, без подключения к сетям станции. Если это устройство для коммуникации, мы должны узнать, что оно хочет сказать.

После короткого обсуждения было решено подготовить безопасную среду для активации зонда. Лабораторию дополнительно изолировали, установили независимое энергоснабжение и системы экстренного отключения. К 10:00 всё было готово.

– Начинаем активационную последовательность, – объявил Михаил, сидя за пультом управления. – Минимальный уровень энергии, только для диагностики.

Робот-манипулятор подключил кабель к одному из портов зонда. На мониторах появились первые показания – уровень энергии, внутренние процессы, диагностика систем.

– Зонд реагирует, – сообщил Ли. – Похоже, он распознаёт источник энергии и адаптируется к нему.

– Базовые системы активны, – добавил Михаил. – Навигация, телеметрия, коммуникационный модуль... всё функционирует, хотя и в изменённом виде.

– А новые компоненты? – спросила Вера.

– Они тоже активируются, но... – Михаил замолчал, глядя на экран. – Что за чёрт?

На всех мониторах внезапно появилась одна и та же последовательность символов – такая же, как на поверхности зонда.

– Он передаёт сообщение, – прошептал Ли. – Через все доступные каналы.

– Можешь расшифровать? – спросила Вера.

– Пытаюсь, – Ли быстро работал на своём терминале. – Это более сложная структура, чем то, что мы видели раньше, но базовый принцип тот же. Если применить наш алгоритм...

На экране начали появляться переведённые фрагменты:

"Мы видим вас." "Время истончается." "Завеса скоро разорвётся." "Подготовьте [неизвестно] для перехода." "Соединение через генетический [неизвестно]." "1937 – первый ключ." "4-17 – второй ключ."

– 4:17, – тихо произнесла Вера. – Время, когда появился зонд. Время, когда я просыпаюсь от снов.

– Что всё это значит? – нахмурился Корнев.

Прежде чем кто-то успел ответить, зонд начал вибрировать. Сначала едва заметно, затем всё сильнее. Органические компоненты пульсировали, как будто что-то живое двигалось внутри них.

– Энергетические показатели растут, – встревоженно сообщил Михаил. – Зонд генерирует собственную энергию. И... – он замолчал, глядя на показания. – Он создаёт квантовую интерференцию. Локальное искажение пространства-времени.

– Отключить! – резко приказал Корнев. – Немедленно!

Михаил активировал протокол экстренного отключения, но было поздно. Зонд теперь светился изнутри, испуская странное голубоватое сияние. Вокруг него начало формироваться нечто, похожее на миниатюрную версию аномалии – размытая область, в которой реальность, казалось, дрожала и искажалась.

– Все вон из лаборатории! – крикнул Корнев. – Активируйте протокол изоляции!

Они едва успели выбежать в коридор, когда автоматические двери лаборатории захлопнулись за ними. Через смотровое окно они видели, как миниатюрная аномалия вокруг зонда росла, заполняя пространство лаборатории странным светящимся туманом.

– Что происходит? – выдохнул доктор Кляйн.

– Зонд создаёт локальную версию большой аномалии, – ответил Михаил, глядя на показания своего планшета. – Или... открывает портал в неё.

Внезапно всё стихло. Свечение внутри лаборатории стабилизировалось, образовав светящуюся сферу вокруг зонда. Внутри этой сферы виднелись странные геометрические структуры, постоянно меняющиеся, эволюционирующие на глазах.

– Оно стабильно, – удивлённо произнёс Михаил, глядя на показания. – Локализовано в пределах лаборатории и не расширяется.

– Что это? – спросил Корнев.

– Я думаю... – медленно начала Вера, не отрывая взгляда от светящейся сферы. – Я думаю, это окно. Или интерфейс.

– Для чего?

– Для коммуникации, – ответила она. – Аномалия создала способ общаться с нами напрямую, без необходимости модифицировать наши системы или влиять на состав воздуха.

На терминалах снова появились символы, но теперь они менялись быстрее, формируя длинные последовательности.

– Алгоритм переводит, – сообщил Ли. – Это... огромный объём информации. Научные данные, математические формулы, описания физических процессов.

– И последовательности, похожие на генетический код, – добавил доктор Кляйн, глядя на свой экран. – Сотни вариаций, модификаций. Это похоже на... библиотеку возможных генетических структур.

– Подготовьте для перехода, – пробормотала Вера, вспоминая фразу из сообщения зонда. – Они не просто общаются с нами. Они готовят нас к чему-то.

– К чему? – спросил Корнев.

– К контакту, – тихо ответила Вера. – Более прямому, чем этот.

Внезапно свечение внутри лаборатории изменилось. В центре светящейся сферы начал формироваться силуэт – неясный, размытый, но определённо антропоморфный. Женская фигура в белом, окружённая сиянием.

– Проводник, – прошептала Вера, узнавая образ из снов Жанны.

Фигура медленно подняла руку, указывая на что-то за пределами видимого пространства. Затем так же медленно опустила её.

В этот момент всё закончилось так же внезапно, как началось. Свечение погасло, миниатюрная аномалия исчезла. Зонд лежал на исследовательском столе, теперь инертный, безжизненный.

Несколько секунд никто не двигался, затем Корнев активировал коммуникатор.

– Группа безопасности, проведите полное сканирование лаборатории В-5 на наличие радиации, биологических угроз и аномальной активности. – Он повернулся к учёным. – Никто не входит, пока мы не убедимся, что это безопасно.

– Директор, – Ли Чен выглядел потрясённым, глядя на свой терминал. – Данные, которые передал зонд... они всё ещё здесь. Терабайты информации. Научные теории, технологические чертежи, математические модели... – он поднял взгляд. – Я никогда не видел ничего подобного. Это как если бы кто-то передал нам научные знания целой цивилизации за несколько минут.

– И генетические последовательности, – добавил доктор Кляйн. – Сотни модификаций человеческой ДНК, каждая с подробным описанием эффектов и функций.

Корнев выглядел встревоженным.

– Всё это должно быть помещено в карантин. Данные изолированы от основных систем станции и проанализированы на наличие угроз.

– Но директор, – возразил Ли. – Эта информация может продвинуть нашу науку на десятилетия вперёд!

– Или уничтожить нас, – мрачно ответил Корнев. – Мы не знаем, что на самом деле хочет эта... сущность. И не забывайте о предсказании: "Завеса скоро разорвётся". Что бы это ни значило, звучит не особенно обнадеживающе.

– Я согласна с необходимостью осторожности, – вмешалась Вера. – Но эта информация предоставлена нам намеренно. Мы должны хотя бы попытаться понять её.

Корнев помедлил, затем кивнул.

– Хорошо. Создайте изолированную рабочую группу. Вы, доктор Чен, доктор Кляйн, доктор Левин. Анализируйте данные, но на изолированных системах. Никаких подключений к основной сети станции. – Он сделал паузу. – И я хочу ежедневные отчёты. Любое открытие, любая потенциальная угроза – немедленно докладывайте мне.

Когда Корнев удалился, Вера повернулась к коллегам.

– Нам нужно систематизировать эту информацию. Разделить на категории, определить приоритеты.

– Я займусь научными данными и математическими моделями, – сказал Ли.

– Я проанализирую генетические последовательности, – кивнул Кляйн.

– А я сосредоточусь на физических феноменах и взаимодействии с аномалией, – добавил Михаил.

– Хорошо, – согласилась Вера. – А я буду координировать наши усилия и искать связи между различными типами данных. Особенно всё, что касается этих ключей – 1937 и 4:17.

Она ещё раз посмотрела через смотровое окно на зонд, лежащий в лаборатории. Что-то подсказывало ей, что они только начали раскрывать тайны аномалии. И что самые важные открытия – и самые тревожные вопросы – ещё впереди.

Следующие дни превратились в марафон научного анализа. Команда работала практически без перерывов, погружённая в огромный массив данных, переданных зондом.

Информация была невероятной. Научные теории, выходящие далеко за пределы современной физики, описания технологий, которые казались почти магическими, математические модели, объясняющие структуру пространства-времени с беспрецедентной детализацией.

Но были и тревожные аспекты. Многие из технологических чертежей описывали устройства для манипуляции пространством-временем, создания "проколов" между измерениями, генерации контролируемых сингулярностей. Если бы такие технологии попали не в те руки, последствия могли быть катастрофическими.

Вера проводила долгие часы в импровизированном командном центре, который они создали в изолированной лаборатории D-12. Стены были покрыты голографическими дисплеями, показывающими различные аспекты полученных данных. В центре комнаты стоял большой стол с трёхмерной моделью аномалии, постоянно обновляющейся на основе новых расчётов.

– Вера, взгляни на это, – Михаил подозвал её к своему терминалу. – Я проанализировал данные о структуре аномалии, и... это невероятно.

На экране была сложная математическая модель, описывающая внутреннее строение аномалии.

– Согласно этим уравнениям, аномалия – не просто искажение пространства-времени. Это... квантовый интерфейс между двумя вселенными, – Михаил выглядел одновременно возбуждённым и встревоженным. – Как мембрана, разделяющая разные реальности, но позволяющая определённым типам взаимодействий.

– Это согласуется с теорией моей матери, – задумчиво сказала Вера. – О "точках соприкосновения" между вселенными.

– Есть ещё кое-что, – Михаил активировал другой дисплей. – Согласно этой модели, наша вселенная существует в многомерном "пространстве вселенных". Представь себе пузыри в пене – каждый пузырь отдельная вселенная, а пространство между ними – некая метареальность, из которой можно наблюдать за всеми вселенными одновременно.

– И аномалия – это прокол в стенке нашего "пузыря"? – предположила Вера.

– Именно, – кивнул Михаил. – Но не случайный прокол. Намеренно созданный.

– Кем?

– Вот в этом самая странная часть, – Михаил указал на последовательность уравнений в нижней части экрана. – Если эта модель верна, то сущности, создавшие аномалию, происходят из вселенной, которая... является "родительской" по отношению к нашей.

Вера нахмурилась.

– Родительской? Что ты имеешь в виду?

– Они создали нашу вселенную, Вера, – тихо сказал Михаил. – Как эксперимент. Как симуляцию. Наша реальность была искусственно сгенерирована существами из другой вселенной.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок. Если это правда, то все религиозные представления о творце вселенной внезапно получали научное обоснование. Только "бог" оказывался не мистическим существом, а представителем более продвинутой цивилизации из другой реальности.

– Есть ещё что-то, – добавил Михаил, видя её реакцию. – Согласно этой модели, наша вселенная не уникальна. Они создали множество вселенных, каждая с немного разными параметрами. Своего рода... эволюционный эксперимент.

– И они наблюдают за результатами через эти "точки соприкосновения", – закончила Вера. – Аномалии подобные нашей.

– Да. Но что-то изменилось. Они стали более... активными. Как будто приближается какой-то критический момент.

Вера вспомнила предупреждение: "Завеса скоро разорвётся". Если барьер между вселенными действительно рухнет, последствия могут быть непредсказуемыми.

Их разговор был прерван появлением доктора Кляйна, который выглядел одновременно взволнованным и встревоженным.

– Доктор Соколова, я закончил сравнительный анализ генетических последовательностей, – он протянул ей планшет. – Результаты... поразительные.

Вера взглянула на экран, где были представлены три последовательности ДНК, наложенные друг на друга: код, переданный аномалией; структура, обнаруженная в зонде; и генетическая мутация Лизы.

– Они идентичны в ключевых сегментах, – продолжил Кляйн. – Особенно в позиции 1937. Но в случае вашей дочери модификация была... неполной. Нестабильной. Что привело к дегенерации нервной ткани.

– А если бы модификация была полной? – тихо спросила Вера. – Каков был бы эффект? Кляйн заколебался.

– Судя по моделированию, это привело бы к драматическим изменениям в структуре мозга. Формированию новых нейронных путей, увеличению определённых отделов коры. И... – он помедлил. – Возникновению структур, не имеющих аналогов в нормальной человеческой анатомии.

– Какова функция этих структур?

– Мы можем только догадываться. Но судя по расположению и связям с другими отделами мозга, они могли бы отвечать за восприятие и обработку информации, лежащей за пределами обычного человеческого диапазона. Возможно, даже за взаимодействие с квантовыми процессами напрямую.

– Квантовое сознание, – пробормотал Михаил. – Это совпадает с некоторыми теориями в данных, которые я анализирую. Идея, что сознание на фундаментальном уровне связано с квантовыми процессами и может влиять на них.

– И эти модификации делают эту связь сильнее, – сказала Вера. – Создают своего рода... усилитель для человеческого сознания.

– Или интерфейс между нашим сознанием и... чем-то внешним, – добавил Кляйн. – Но есть ещё один аспект, который вы должны знать. – Он активировал другой экран на план-

шете. – Я провёл анализ вашего собственного генетического материала, доктор Соколова. Из медицинской базы данных станции.

– Без моего разрешения? – нахмурилась Вера.

– Я понимаю, это нарушение протокола, но я считал это важным, учитывая обстоятельства. – Кляйн выглядел виноватым, но решительным. – У вас есть та же последовательность в позиции 1937. Не активная, как у вашей дочери, но присутствующая в рецессивной форме.

Вера замерла.

– Что это значит?

– Это значит, что вы носитель этой генетической модификации. Она не влияет на вас напрямую, но может быть передана потомству. И при определённых условиях... активирована.

– Как у Лизы, – тихо сказала Вера.

– Да. Но вопрос в том, откуда эта модификация появилась у вас? – Кляйн посмотрел ей в глаза. – Я проверил архивные данные. Подобные последовательности были обнаружены у нескольких людей по всему миру. Большинство из них – потомки участников определённых научных программ в 2040-х годах.

– Каких программ? – спросил Михаил.

– Проект "Кассандра", – ответил Кляйн. – Исследование по расширению человеческого восприятия и когнитивных способностей. Официально закрыт в 2047 году после серии... инцидентов.

2047 год. Тот самый год, которым были датированы заметки в книге матери. Год, когда Елена Соколова предсказала существование аномалий как "точек соприкосновения" между вселенными.

– Моя мать работала в этом проекте? – спросила Вера, хотя уже знала ответ.

– Елена Соколова была одним из ведущих исследователей, – подтвердил Кляйн. – И одной из первых жертв, когда эксперименты пошли не так.

Вера почувствовала, как мир вокруг неё начинает кружиться. Все эти годы она считала, что смерть матери была обычным лабораторным несчастным случаем. Теперь оказывалось, что Елена Соколова погибла, участвуя в эксперименте по изменению человеческого сознания. Эксперименте, который каким-то образом был связан с аномалиями, подобными той, что они сейчас изучали.

– Доктор Соколова? – обеспокоенно спросил Кляйн. – Вы в порядке?

– Да, – она глубоко вдохнула, пытаясь собраться с мыслями. – Это просто... много информации сразу.

– Есть ещё кое-что, – добавил Кляйн. – Активация этой генетической последовательности может происходить спонтанно под воздействием определённых условий. Одно из них – присутствие квантовых флуктуаций, подобных тем, что наблюдаются вокруг аномалии.

Вера и Михаил обменялись взглядами. Это объясняло, почему аномалия, казалось, фокусировалась на Вере. Она реагировала на её генетическую структуру, на потенциал, заложенный в её ДНК.

– Значит, не случайно меня вернули на проект, – медленно произнесла Вера. – Корнев знал?

– Не могу сказать наверняка, – ответил Кляйн. – Но в документации проекта "Резонатор" есть упоминания о "генетически предрасположенных индивидах" как потенциальных операторах устройства.

– Нас используют, – горько усмехнулась Вера. – И Корнев, и эта... сущность в аномалии. Оба хотят что-то от меня.

– Вопрос в том, чего хочешь ты, – тихо сказал Михаил. – Теперь, когда ты знаешь всё это.

Вера задумалась. Правда о её матери, о Лизе, о ней самой – всё это складывалось в картину, которая была одновременно пугающей и завораживающей. Она была частью чего-

то большего, чем просто научное исследование. Она была звеном в цепи, соединяющей две вселенные.

– Я хочу знать больше, – наконец сказала она. – О проекте "Кассандра". О работе моей матери. И о том, что на самом деле произошло с Лизой.

– Корнев может знать больше, – предположил Михаил. – Если он был вовлечён в отбор персонала для "Гермеса" на основе генетических предрасположенностей...

– Нет, – покачала головой Вера. – Корнев не скажет мне правду. Не всю. – Она сделала паузу. – Но я знаю, кто может.

– Кто? – спросил Михаил.

– Доктор Морено, – ответила Вера. – Она знала мою мать. Работала с ней. И она сказала, что у неё есть личный дневник Елены Соколовой.

– Думаешь, она расскажет тебе больше?

– Не знаю. Но она единственный человек на станции, связанный с тем периодом. И она явно знает больше, чем говорит.

Вера повернулась к Кляйну.

– Продолжайте анализ генетических данных. Особенно всё, что касается активации этих последовательностей и возможных последствий. – Затем к Михаилу: – А ты сосредоточься на моделях аномалии и её взаимодействии с нашей реальностью. Особенно на том, что может означать "разрыв завесы".

– Что ты собираешься делать? – спросил Михаил.

– Поговорить с Морено, – ответила Вера. – И посмотреть, что она знает о проекте "Кассандра" и о том, почему моя мать оказалась в центре всего этого.

Она вышла из лаборатории, чувствуя, как внутри нарастает странная смесь тревоги и решимости. Всю жизнь она искала ответы в науке, в рациональных объяснениях окружающего мира. Теперь оказывалось, что ответы могут лежать гораздо ближе – в её собственной ДНК, в истории её семьи, в загадочной связи между тремя поколениями женщин и тем, что лежало за пределами обычной реальности.

Доктор Морено была в своём кабинете – небольшом, но уютном помещении в медицинском секторе станции. Когда Вера вошла, пожилая женщина сидела за столом, изучая какие-то записи, но, увидев посетительницу, отложила их в сторону.

– Доктор Соколова, – она улыбнулась, но в её глазах читалось напряжение. – Я ждала вас. События последних дней... привлекли внимание всей станции.

– Вы знали, – прямо сказала Вера, садясь напротив. – С самого начала. О моей матери, о проекте "Кассандра", о моей генетической предрасположенности. Вот почему вы сказали, что я похожа на неё "не только внешне".

Морено вздохнула.

– Да, знала. Но не имела права говорить. Вся информация о проекте "Кассандра" строго засекречена. – Она сделала паузу. – Даже сейчас я рискую, обсуждая это с вами.

– Почему сейчас это вдруг стало возможным?

– Потому что время истончается, – тихо сказала Морено, повторяя фразу из сообщения зонда. – То, что должно произойти, уже началось. Сдерживание больше не имеет смысла.

– Что должно произойти? – настойчиво спросила Вера. – Что значит "завеса разорвётся"?

Морено долго смотрела на неё, затем решительно кивнула, словно приняв важное решение. Она встала, подошла к стене и активировала скрытую панель. За ней оказался небольшой сейф, из которого Морено достала потрёпанную записную книжку в тёмно-синей обложке.

– Личный дневник вашей матери, – сказала она, протягивая книгу Вере. – Последние записи перед... инцидентом. Я сохранила его, нарушив все протоколы, потому что считала, что когда-нибудь вам понадобится эта информация.

Вера бережно взяла дневник, чувствуя, как дрожат руки. Прямая связь с матерью, которую она потеряла так давно.

– В 2040-х правительства нескольких стран финансировали секретный проект по изучению возможностей расширения человеческого сознания, – начала рассказывать Морено. – Официально речь шла о развитии когнитивных способностей, улучшении памяти, повышении интеллекта. Но истинные цели были гораздо амбициознее.

– Какие именно?

– Они искали способ установить контакт с иными реальностями, – ответила Морено. – Теория заключалась в том, что человеческое сознание на квантовом уровне способно воспринимать информацию из других измерений. Нужно было только... настроить его правильным образом.

– Через генетические модификации, – догадалась Вера.

– Именно. Они разработали процедуру изменения определённых участков ДНК, отвечающих за развитие нервной системы. Создали первую группу добровольцев. Ваша мать была одной из них.

– Она позволила модифицировать свою ДНК? – Вера была поражена. Елена Соколова всегда казалась ей образцом научной этики и осторожности.

– В то время это казалось прорывом, – мягко сказала Морено. – Возможностью раскрыть тайны вселенной. И поначалу результаты были многообещающими. Участники демонстрировали улучшенные когнитивные способности, нестандартное мышление, иногда даже нечто, похожее на предвидение.

– Что пошло не так?

Морено вздохнула.

– То, что всегда происходит, когда люди играют с силами, которых не понимают. Некоторые участники начали сообщать о странных видениях. О чувстве присутствия "других" в их сознании. Некоторые стали... нестабильными. А затем произошёл инцидент с вашей матерью.

Вера затаила дыхание.

– Что случилось?

– Официальная версия: лабораторный несчастный случай. Взрыв оборудования. – Морено покачала головой. – Реальность была иной. Во время эксперимента по стимуляции определённых участков мозга Елена впала в кататоническое состояние. А затем... началось нечто, похожее на то, что мы наблюдали с зондом. Локальное искажение реальности вокруг неё. Приборы сходили с ума. Очевидцы говорили о странном свечении, о искажении пространства.

– Первая аномалия, – прошептала Вера.

– Да. Но неконтролируемая, нестабильная. Она продержалась всего несколько минут, а затем схлопнулась. Когда всё закончилось, Елена была мертва. Но не от физических повреждений. Её мозг просто... перегорел. Как будто через него прошёл огромный объём информации, больше, чем он мог обработать.

Вера открыла дневник и начала перелистывать страницы. Аккуратный почерк матери, формулы, диаграммы, заметки о квантовых теориях и о "точках соприкосновения" между реальностями.

– Она знала, – сказала Вера, читая записи. – Знала о других вселенных, о создателях нашей реальности. Она называла их "Архитекторами".

– Да, – кивнула Морено. – В последние месяцы перед смертью у неё были видения. Сны, в которых она "видела" структуру мультивселенной. Разговаривала с существами, которые утверждали, что создали нашу реальность как эксперимент.

– И проект "Кассандра" был попыткой установить контакт с этими существами? – спросила Вера.

– Поначалу нет. Но когда Елена и другие участники начали сообщать о своих видениях, цели проекта изменились. Военные и политики увидели потенциальное оружие, источник невероятных технологий. Учёные – возможность революционных открытий. – Морено сделала паузу. – Но никто не задумался о том, чего хотят сами "Архитекторы".

– А чего они хотят? – тихо спросила Вера.

– Это ключевой вопрос, – Морено печально улыбнулась. – Елена считала, что они не враждебны, но и не благожелательны в нашем понимании. Они просто... экспериментируют. Изучают. Как мы изучаем бактерии в чашке Петри.

– Но зачем им контакт? Зачем эта аномалия?

– В последних записях Елена выдвинула теорию, что "Архитекторы" столкнулись с проблемой в своей собственной реальности. Чем-то, что угрожает их существованию. И они ищут решение через свои "эксперименты" – созданные ими вселенные, подобные нашей.

Вера пролистала дневник до последних страниц. Там были рисунки странных геометрических структур, напоминающих кристаллические формы из её снов, и последняя запись, датированная днём смерти Елены:

"Они показали мне будущее. Завеса между мирами истончается. Скоро наступит момент, когда границы между реальностями станут проницаемыми. Они называют это "Конвергенцией" – моментом, когда все созданные ими вселенные временно соединятся. Они не знают, что произойдёт. Это часть эксперимента. Но они готовятся. И нам тоже нужно готовиться. Лиза будет ключом. Моя дочь, несущая код в своей ДНК. Когда придёт время, она откроет дверь."

Вера почувствовала, как холодеет внутри. Лиза. Её мать знала, что с ней что-то произойдёт. Знала о генетической модификации, которая в конечном итоге убила её.

– Моя мать... она предвидела смерть Лизы? – дрожащим голосом спросила Вера.

– Не думаю, что она предвидела такой исход, – мягко сказала Морено. – Генетические модификации, проведённые в рамках проекта "Кассандра", оказались нестабильными во втором поколении. Они могли вызвать непредсказуемые мутации. То, что произошло с Лизой, было трагической случайностью. Или...

– Или?

– Или вмешательством, – тихо закончила Морено. – Попыткой активировать генетический код преждевременно.

– Кто мог это сделать? – возмущённо спросила Вера.

– Я не знаю. Возможно, "Архитекторы". Возможно, люди, продолжавшие проект "Кассандра" под другими названиями. – Морено сделала паузу. – Важнее то, что теперь происходит с вами.

– Что вы имеете в виду?

– Аномалия реагирует на вас, Вера. На ваш генетический код. На потенциал, заложенный в вашей ДНК. Не случайно вы видите те же сны, что и ваша мать. Не случайно вы оказались здесь именно сейчас, когда приближается момент "разрыва завесы".

– Конвергенция, – прошептала Вера, вспоминая запись матери. – Момент, когда границы между реальностями станут проницаемыми.

– Да. И судя по предсказаниям, полученным от аномалии, это произойдёт через девятнадцать дней.

Вера закрыла дневник, пытаясь осмыслить всё услышанное. Её мать, Лиза, она сама – все они были частью грандиозного эксперимента, начавшегося задолго до её рождения. Эксперимента, который достигал своей кульминации сейчас.

– Что мне делать? – спросила она, чувствуя себя внезапно потерянной.

– То, что вы уже делаете, – ответила Морено. – Изучайте данные, переданные аномалией. Работайте над проектом "Резонатор". Готовьтесь к тому, что грядёт.

– А что именно грядёт?

– Никто не знает наверняка. – Морено встала и подошла к окну, глядя на звёзды и далёкое свечение аномалии. – Но что бы это ни было, Вера, это изменит всё. Нашу науку, наше представление о реальности, наше место во вселенной. – Она повернулась. – Вопрос в том, будет ли это изменение к лучшему или к худшему. И это может зависеть от вас.

– От меня? – Вера покачала головой. – Я просто учёный. Не мессия, не избранная.

– Но вы несёте в себе код, – возразила Морено. – И знания. И связь с "Архитекторами" через вашу мать и дочь. Возможно, этого достаточно.

Вера медленно кивнула, всё ещё не полностью убеждённая, но понимающая важность момента.

– Спасибо, – сказала она, поднимая дневник матери. – За это. И за правду.

Когда она уже была у двери, Морено окликнула её:

– Вера, ещё одно. Корнев знает больше, чем говорит. Он был связан с проектами, которые пришли на смену "Кассандре". И его интерес к вам... не случаен.

– Вы думаете, он представляет опасность?

– Не для станции или проекта, – ответила Морено. – Но у него могут быть собственные планы на то, как использовать Конвергенцию. И на то, как использовать вас.

Вера кивнула, принимая предупреждение.

– Я буду осторожна.

Выйдя из кабинета Морено, она не вернулась сразу в лабораторию. Вместо этого она направилась в обсерваторию – пустую в этот час. Она стояла у огромного панорамного окна, глядя на далёкое свечение аномалии среди звёзд.

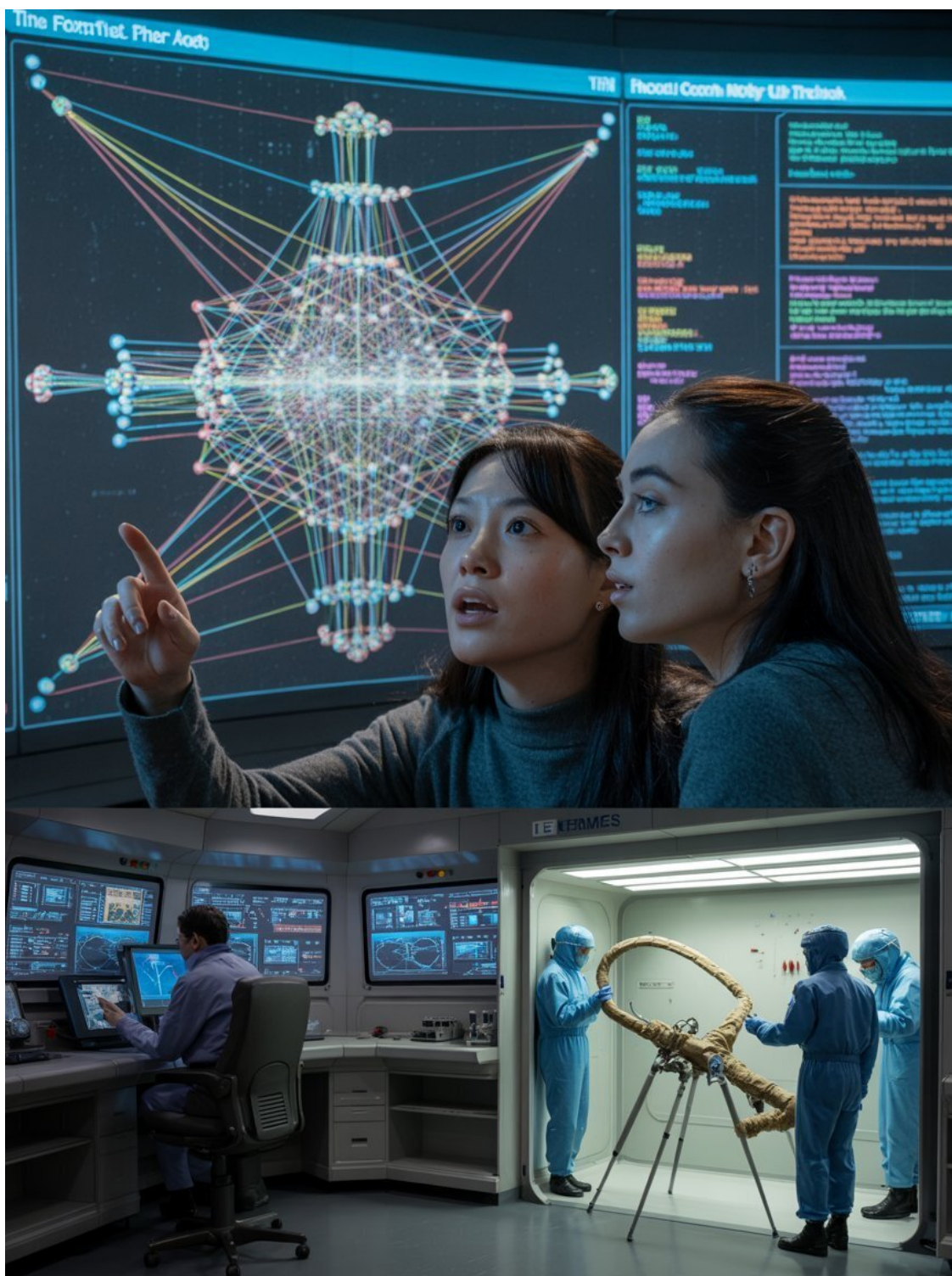
"Архитекторы", создавшие вселенную как эксперимент. Генетические модификации, передающиеся через поколения. Приближающийся момент, когда границы между реальностями истончатся. Всё это звучало как научная фантастика, как бред. И всё же доказательства были реальны: изменённый зонд, невероятные научные данные, генетический код в её собственной ДНК, слова матери, записанные за десятилетия до открытия аномалии.

Вера открыла дневник на последней странице и перечитала заключительные слова матери:

"Они создали нас по своему образу и подобию – способными творить, исследовать, эволюционировать. Возможно, в этом и заключалась цель эксперимента. Создать существ, подобных им самим. Создать новых Архитекторов."

Этот финальный инсайт, записанный Еленой Соколовой незадолго до смерти, внезапно прояснил для Веры всю картину. "Архитекторы" не просто изучали созданные ими вселенные – они развивали их, эволюционировали, готовили к чему-то большему.

И через девятнадцать дней наступит момент истины. Момент, когда завеса между реальностями разорвётся, и всё изменится – навсегда.

Глава 5: Ткань реальности

Вера не спала всю ночь, погрузившись в дневник матери. Страница за страницей открывали удивительную историю открытий, прозрений и растущего понимания природы реальности. Елена Соколова не просто теоретизировала об аномалиях и "точках соприкосновения" – она видела их, взаимодействовала с ними через свое измененное сознание.

В записях подробно описывались эксперименты проекта "Кассандра", их постепенная эволюция от изучения расширенных когнитивных способностей к прямому контакту с иной реальностью. Елена фиксировала свои видения: кристаллические структуры, математические паттерны, существа, состоящие из чистой информации, которые наблюдали за ней с другой стороны "завесы".

Наиболее тревожными были последние записи, где Елена описывала растущую интенсивность контактов и предчувствие приближающегося события – Конвергенции. Она писала о видениях будущего, о дочери, о генетической линии, которая должна была стать "мостом" между мирами.

"Они показали мне будущее, – писала Елена. – Момент, когда границы между реальностями истончатся настолько, что станет возможен прямой контакт. Это случится через двадцать восемь лет. В том месте, где они создали интерфейс – специальную точку соприкосновения."

Аномалия у Юпитера. Которую обнаружили именно тогда, когда предсказала Елена.

К утру Вера была истощена эмоционально, но ее разум лихорадочно работал, собирая вместе кусочки головоломки. Она отправилась прямо в лабораторию, где уже собралась исследовательская группа.

– Доброе утро, – поздоровался Михаил, внимательно глядя на нее. – Ты выглядишь... уставшей.

– Не спала, – кратко ответила Вера, подходя к центральной консоли, где была отображена трехмерная модель аномалии. – У меня есть новая информация. Потенциально критическая.

Она кратко изложила основные открытия из дневника матери, опустив личные детали: проект "Кассандра", генетические модификации, предсказание о Конвергенции, роль "Архитекторов".

– Это... невероятно, – пробормотал Ли Чен, когда она закончила. – Но согласуется с данными, которые мы получили от зонда.

– И с моделями, которые я анализирую, – добавил Михаил. – Если верить этим уравнениям, через девятнадцать дней произойдет экспоненциальное увеличение квантовой связности между нашей вселенной и тем, что находится за пределами аномалии.

– Конвергенция, – кивнула Вера. – Момент, когда границы между реальностями становятся проницаемыми.

– Вопрос в том, что это значит для нас? – сказал доктор Кляйн. – Для станции? Для Земли?

– Этого мы не знаем, – честно ответила Вера. – Но мы можем подготовиться. Проект "Резонатор" был создан именно для этого – для установления контролируемого контакта с аномалией. Возможно, через него мы сможем получить больше информации.

– Устройство будет готово через три дня, – сообщил Михаил. – Инженерная команда работает круглосуточно. Но есть проблема с интерфейсом.

– Какая?

– "Резонатор" должен управляться оператором с... определенными нейрофизиологическими характеристиками. Кем-то, способным воспринимать и интерпретировать сигналы аномалии на интуитивном уровне.

– Кем-то с генетическими модификациями проекта "Кассандра", – догадалась Вера.
– Именно, – кивнул Михаил. – И судя по всему, ты единственный такой человек на станции.

Вера помолчала, осмысливая ситуацию. Внезапно стало ясно, почему Корнев так настаивал на ее возвращении в проект. Не только из-за ее научной экспертизы, но и из-за ее генетического наследия.

– Корнев знает? – спросила она. – О моей связи с проектом "Кассандра"?

– Судя по документации, да, – ответил Михаил. – В спецификациях "Резонатора" есть прямая ссылка на "генетически предрасположенных операторов" и конкретно на твой профиль.

Вера почувствовала, как растет внутри холодная ярость. Ее использовали, манипулировали ею, скрывали информацию, которая напрямую касалась ее жизни, ее семьи.

– Мне нужно поговорить с Корневым, – решительно сказала она. – Сейчас же.

– Вера, подожди, – Михаил положил руку ей на плечо. – Я понимаю твой гнев, но сейчас не время для конфронтации. Мы стоим на пороге события, которое может изменить всё. Личные счёты могут подождать.

Она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Михаил был прав. Сейчас важнее была подготовка к Конвергенции, понимание того, что их ждет.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Но я хочу полный доступ к документации "Резонатора". Особенно к части, касающейся интерфейса оператора.

– Я могу это устроить, – кивнул Михаил. – У меня есть доступ к инженерным спецификациям.

– И мне нужна Жанна Кастро, – добавила Вера. – Ее интуитивное понимание аномалии может быть полезным.

– Она уже здесь, – раздался голос от двери. Жанна вошла в лабораторию, выглядя одновременно нервной и решительной. – Доктор Морено сказала, что я могу понадобиться.

Вера кивнула, отметив, как быстро Морено действовала после их разговора.

– Спасибо, что пришли. Мы изучаем данные, полученные от аномалии через зонд. И готовимся к активации устройства под названием "Резонатор".

– Я слышала о нем, – кивнула Жанна. – Но не знала деталей.

– Немногие знают, – сказал Михаил. – Проект был в высшей степени засекречен. До недавних событий.

– Жанна, вы упоминали о снах, – Вера подошла ближе к молодой женщине. – О женской фигуре, показывающей вам числа и символы. Видели ли вы ее снова?

– Да, – кивнула Жанна. – Прошлой ночью. Она показывала мне... схему. Что-то похожее на чертеж устройства.

– Можете нарисовать?

Жанна кивнула и подошла к ближайшему терминалу. Ее пальцы быстро двигались по сенсорной панели, воссоздавая образ из ее сна. Постепенно на экране появилась сложная диаграмма – концентрические круги с переплетающимися линиями, формирующими узор, похожий на мандалу или сложный часовой механизм.

– Вот что я видела, – сказала Жанна. – И она показывала на определенные точки, как будто они имеют особое значение.

Михаил подошел ближе, изучая диаграмму.

– Это похоже на... – он замолчал, затем быстро активировал другой экран. – Смотрите.

На втором экране появилась схема "Резонатора" – сферического устройства с внутренней структурой, поразительно напоминающей рисунок Жанны.

– Но есть отличия, – заметил Ли, сравнивая изображения. – В диаграмме Жанны есть дополнительные элементы, которых нет в текущей конструкции "Резонатора".

– Возможно, это улучшения? – предположил доктор Кляйн. – Модификации, которые делают устройство более эффективным?

– Или более безопасным, – тихо добавила Вера. – Жанна, фигура в ваших снах... она когда-нибудь говорила с вами?

– Не словами, – покачала головой Жанна. – Но я... чувствовала ее намерения. Ее беспокойство. Как будто она пытается предупредить и помочь одновременно.

Вера задумалась. Если верить дневнику матери, "Архитекторы" могли коммуницировать через сны, видения, интуитивные прозрения. Они использовали любые доступные каналы, чтобы передать информацию.

– Мы должны внести эти модификации в "Резонатор", – решила она. – Если это сообщение от... другой стороны, игнорировать его было бы неразумно.

– Корнев не одобрит изменения в конструкции на таком позднем этапе, – предупредил Михаил. – Особенно основанные на... сне.

– Тогда мы не будем спрашивать его разрешения, – твердо сказала Вера. – Модификации можно внести незаметно, во время финальной калибровки. Ты сможешь это организовать?

Михаил колебался.

– Это рискованно. Если Корнев узнает...

– Более рискованно игнорировать предупреждения, которые мы получаем, – возразила Вера. – Если эта женская фигура – своего рода "проводник" между реальностями, как писала моя мать, ее сообщения могут быть критически важными.

– Я согласен с доктором Соколовой, – неожиданно вмешался Ли. – Данные, которые мы получили от аномалии, указывают на высокую вероятность нестабильности во время Конвергенции. Любые модификации, которые могут повысить безопасность, стоит рассмотреть.

Михаил вздохнул.

– Хорошо. Я поговорю с ведущим инженером. Он должен мне услугу. – Он посмотрел на Веру. – Но учти, если что-то пойдет не так, ответственность будет на нас.

– Я понимаю, – кивнула она. – И принимаю этот риск.

– Что мне делать? – спросила Жанна.

– Работайте с Ли над детализацией этих модификаций, – ответила Вера. – Каждая деталь из вашего сна может быть важной. И... будьте готовы к новым снам. Если эта фигура появится снова, запоминайте всё, что она показывает.

Жанна кивнула, ее глаза загорелись решимостью.

– Я не подведу.

– А я продолжу анализ генетических данных, – сказал доктор Кляйн. – Особенно интересно изучить, как именно эти модификации влияют на восприятие квантовых феноменов.

– Отлично, – Вера оглядела свою импровизированную команду. – Мы должны действовать быстро и незаметно. Чем меньше людей знает о наших дополнительных исследованиях, тем лучше.

Когда все разошлись по своим задачам, Вера осталась наедине с трехмерной моделью аномалии, медленно вращающейся над центральной консолью. Она изучала ее структуру, сложное переплетение энергетических потоков, области повышенной квантовой активности.

– Что ты такое? – прошептала она, глядя на модель. – Чего ты хочешь от нас?

От меня?

Вопрос остался без ответа, но Вера не могла избавиться от ощущения, что аномалия каким-то образом воспринимает ее слова. Чувствует ее присутствие. Наблюдает за ней так же внимательно, как она наблюдает за аномалией.

День пролетел в интенсивной работе. Вера анализировала данные, переданные зондом, сопоставляя их с записями матери и тем, что уже было известно об аномалии. Постепенно вырисовывалась более полная картина.

Согласно математическим моделям, аномалия действительно была "точкой соприкосновения" между вселенными – местом, где барьер между реальностями истончался настолько, что становилось возможным ограниченное взаимодействие. Но в момент Конвергенции этот барьер должен был временно исчезнуть, позволяя прямой контакт.

Что именно это означало на практике, оставалось неясным. В некоторых моделях предсказывалось "перетекание" физических законов из одной вселенной в другую, в других – возможность физического перемещения между реальностями. Наиболее тревожные сценарии описывали полное слияние вселенных, с непредсказуемыми последствиями для обеих.

К вечеру Вера была настолько поглощена анализом, что пропустила ужин. Ее прервал Михаил, принеся поднос с едой.

– Ты должна поесть, – сказал он, ставя поднос рядом с ее терминалом. – Истощенный мозг не лучший инструмент для разгадывания космических тайн.

Вера благодарно улыбнулась.

– Спасибо. Я потеряла счет времени.

– Как продвигается? – спросил Михаил, садясь рядом.

– Медленно, – вздохнула Вера. – Слишком много данных, слишком мало времени для их осмысления. – Она взяла кусок синтетического хлеба с подноса. – А как у тебя? Удалось договориться с инженером?

– Да, – кивнул Михаил. – Он внесет модификации во время финальной сборки. Официально это будет зарегистрировано как "оптимизация квантового интерфейса" – достаточно технично, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Отлично, – Вера почувствовала облегчение. – Я не знаю, сработает ли это, но...

– Но мы должны попытаться, – закончил за нее Михаил. – Я понимаю.

Они помолчали некоторое время, каждый погруженный в свои мысли.

– Вера, – наконец произнес Михаил. – Я должен спросить. Ты действительно готова быть оператором "Резонатора"? После всего, что узнала о проекте "Кассандра", о том, что случилось с твоей матерью?

Она задумалась над вопросом. Страх был, конечно. Страх перед неизвестным, перед возможностью разделить судьбу матери. Но было и другое чувство – глубокое, почти инстинктивное ощущение, что это ее путь, ее предназначение.

– Я не знаю, готова ли я, – честно ответила Вера. – Но я знаю, что должна это сделать. Не только из-за научного интереса или поиска ответов о Лизе... – Она сделала паузу. – Я чувствую, что это правильно. Как будто вся моя жизнь вела к этому моменту.

Михаил внимательно смотрел на нее.

– Я уважаю твое решение. Но обещай, что будешь осторожна. Если почувствуешь что-то странное во время работы с "Резонатором"...

– Я немедленно прекращу сеанс, – заверила его Вера. – Я не собираюсь рисковать без необходимости.

– Хорошо, – кивнул Михаил. – Потому что... – Он замолчал, явно сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Что?

– Потому что ты важна для меня, Вера, – тихо сказал он. – Несмотря на всё, что произошло между нами. Несмотря на эти два года молчания.

Вера почувствовала, как внутри поднимается сложная смесь эмоций. Их отношения с Михаилом всегда были непростыми – страстная связь, разорванная трагедией Лизы и ее после-

дующим уходом из проекта. Она не была уверена, готова ли снова открыться этой стороне жизни, особенно сейчас, когда всё ее внимание сосредоточено на предстоящей Конвергенции.

– Спасибо за заботу, Миша, – мягко сказала она. – Ты тоже важен для меня. Но сейчас я не могу... я не готова...

– Я понимаю, – быстро сказал он. – И не прошу ничего. Просто хотел, чтобы ты знала.

Неловкий момент был прерван сигналом интеркома. Голос Ли Чена звучал возбужденно:

– Доктор Соколова, доктор Левин! Мы обнаружили что-то важное в данных зонда. Что-то, связанное с датой Конвергенции.

– Мы идем, – ответила Вера, благодарная за прерывание сложного разговора.

Ли и доктор Кляйн ждали их в соседнем отсеке лаборатории, где были установлены мощные вычислительные системы для анализа данных.

– Что вы нашли? – спросила Вера, входя.

– Последовательность чисел, которую мы раньше интерпретировали как дату Конвергенции, – начал Ли. – Она оказалась более сложной, чем мы думали. Это не просто временная метка, а координаты в четырехмерном пространстве-времени.

– И не только, – добавил Кляйн. – Когда мы применили тот же алгоритм дешифровки к генетическим последовательностям, переданным зондом, мы обнаружили скрытый паттерн. Посмотрите.

Он активировал голографический дисплей, на котором появились две последовательности – числовая и генетическая, наложенные друг на друга. При определенном выравнивании становилось очевидно, что они следуют одному и тому же базовому паттерну.

– Координаты Конвергенции закодированы в генетической последовательности, – пояснил Кляйн. – Как будто сама ДНК является своего рода... картой.

– Или ключом, – добавил Ли. – И самое интересное, что часть этой последовательности совпадает с модификациями проекта "Кассандра".

Вера смотрела на переплетающиеся линии данных, чувствуя, как внутри растет понимание.

– Они готовились к этому десятилетиями, – тихо сказала она. – Создали генетические маркеры, которые активируются в определенном месте и времени.

– В момент Конвергенции, – кивнул Кляйн. – И в точке, где барьер между реальностями наиболее тонок.

– Аномалия, – сказал Михаил.

– Именно, – согласился Ли. – Но есть еще кое-что. Координаты указывают не просто на аномалию в целом, а на конкретную точку внутри нее. Точку, которая активируется только в момент Конвергенции.

– Активируется как? – спросила Вера.

– Согласно нашим расчетам, в этой точке образуется... портал, – ответил Ли. – Стабильный проход между вселенными.

– Который будет существовать всего несколько минут, – добавил Кляйн. – Затем барьер восстановится.

Вера обдумывала услышанное. Портал между вселенными, существующий несколько минут. Короткое окно для контакта, для обмена информацией... или для перехода.

– Подождите, – сказала она, внезапно вспомнив фразу из сообщения зонда. – "Подготовьте для перехода." Они не просто хотят коммуницировать через этот портал. Они хотят, чтобы кто-то прошел через него.

– Или что-то, – мрачно добавил Михаил.

– Но в каком направлении? – спросил Кляйн. – От них к нам или от нас к ним?

– Возможно, в обоих, – задумчиво произнес Ли. – Обмен. Они дают нам что-то, мы даем им что-то взамен.

– Или кого-то, – тихо сказала Вера, внезапно ощутив холодок понимания. – "Она/он/они ждут" – помните эту фразу из сообщения зонда? Что если они ждут конкретного человека?

– Человека с определенными генетическими модификациями? – Михаил посмотрел на нее. – Человека, способного функционировать в их реальности?

– Или служить проводником между мирами, – добавил Кляйн. – Мостом.

Вера вспомнила последние слова матери из дневника: "Лиза будет ключом. Моя дочь, несущая код в своей ДНК. Когда придет время, она откроет дверь." Но Лизы больше нет. Остались только она сама – с тем же генетическим наследием, хоть и в рецессивной форме.

– Мы должны узнать больше, – решительно сказала она. – О проекте "Кассандра", о его истинных целях, о том, что знает Корнев. И нам нужно ускорить работу над "Резонатором". Если он действительно способен установить стабильный канал связи с аномалией, мы могли бы получить более прямые ответы.

– Согласен, – кивнул Михаил. – Я свяжусь с инженерной командой, постараюсь ускорить процесс сборки.

– А мы продолжим анализ данных, – сказал Ли. – Особенно всего, что касается координат Конвергенции и генетических маркеров.

Все разошлись по своим задачам, оставив Веру наедине с голографическими дисплеями. Она стояла, окруженная светящимися моделями и графиками, пытаясь собрать воедино фрагменты мозаики. Проект "Кассандра", эксперименты ее матери, мутация Лизы, аномалия у Юпитера, приближающаяся Конвергенция – все это части одной истории, одной грандиозной схемы, разворачивающейся десятилетиями.

Но для чего? Какова конечная цель "Архитекторов"? И какую роль они предназначили ей, Вере Соколовой?

Она потерла усталые глаза и вернулась к терминалу. Еще многое предстояло узнать, а время неумолимо уходило.

Следующие два дня прошли в лихорадочном ритме работы. Вера почти не спала, переключаясь между анализом данных, консультациями с инженерами "Резонатора" и изучением дневника матери в поисках подсказок.

Модификации в конструкцию "Резонатора", основанные на видении Жанны, были успешно внесены под видом технических оптимизаций. Михаил и ведущий инженер работали ночами, чтобы интегрировать дополнительные компоненты, не привлекая внимания Корнева.

Утром третьего дня Вера была в лаборатории, когда Ли Чен вбежал с выражением крайнего возбуждения на лице.

– Вера! – воскликнул он, забыв о формальностях. – Я расшифровал еще одну часть сообщения зонда. Ту, что касается "ключей".

– 1937 и 4-17? – Вера мгновенно отложила работу.

– Да, – Ли активировал свой планшет. – Мы знаем, что 1937 – позиция генетической модификации. Но 4-17 оказалось сложнее. Это не просто время, это частота.

– Частота? – Вера нахмурилась.

– Квантовая частота, на которой колеблется барьер между реальностями, – пояснил Ли. – 4,17 петагерц. В обычных условиях эта частота недоступна для восприятия. Но...

– Но люди с определенными генетическими модификациями могут ее чувствовать, – догадалась Вера. – Вот почему я просыпаюсь каждый день в 4:17. Это момент, когда мой мозг каким-то образом синхронизируется с колебаниями барьера.

– Именно, – кивнул Ли. – И "Резонатор" должен усиливать эти колебания, создавая резонанс на той же частоте. Это своего рода "ключ" к замку аномалии.

Вера задумалась.

– Значит, 1937 – генетический ключ, позволяющий воспринимать частоту 4,17 петагерц, которая, в свою очередь, является ключом к аномалии?

– Похоже на то, – согласился Ли. – Двойная защита. Как если бы "Архитекторы" хотели убедиться, что только определенные люди смогут установить контакт.

– Или пройти через портал, – тихо добавила Вера.

Их разговор был прерван появлением Михаила.

– "Резонатор" готов, – объявил он. – Финальные калибровки завершены. Корнев назначил первый тест на завтра.

– Так скоро? – Вера была удивлена. – Я думала, потребуется еще несколько дней.

– Директор получил какое-то сообщение с Земли, – пояснил Михаил. – После этого он приказал ускорить все работы. Он выглядел... встревоженным.

Вера обменялась взглядами с Ли. Что-то происходило, и оно явно выходило за рамки обычного научного проекта.

– Где "Резонатор" сейчас? – спросила она.

– В лаборатории А-1, – ответил Михаил. – Самый защищенный сектор станции. Корнев хочет, чтобы ты пришла туда через час для предварительного ознакомления с протоколом испытаний.

– Хорошо, – кивнула Вера. – Ли, возьмите все данные по частоте 4,17 петагерц и генетическим маркерам. Они могут пригодиться при настройке интерфейса оператора.

Когда Ли удалился, Вера повернулась к Михаилу.

– Модификации внесены?

– Да, – тихо ответил он. – Дополнительные контуры квантовой стабилизации, точно как на схеме Жанны. Официально они зарегистрированы как "резервные системы безопасности".

– Спасибо, – искренне сказала Вера. – Я знаю, чем ты рисковал.

– Просто будь осторожна завтра, – Михаил смотрел на нее с тревогой. – Мы не знаем, что произойдет, когда "Резонатор" активируется.

– Я буду, – пообещала она. – Но я должна это сделать, Миша. Ты же понимаешь?

Он кивнул, хотя в его глазах все еще читалось беспокойство.

– Понимаю. Но это не значит, что мне это нравится.

Час спустя Вера была в лаборатории А-1 – просторном помещении с высоким потолком и массивными стенами из сверхпрочных сплавов. В центре стоял "Резонатор" – сферическое устройство диаметром около трех метров, установленное на специальной платформе. Его поверхность переливалась металлическим блеском, отражая свет лабораторных ламп. По всей сфере были распределены небольшие антенны, сенсоры и квантовые процессоры.

Корнев и группа инженеров стояли рядом, обсуждая последние приготовления.

– А, доктор Соколова, – директор заметил ее появление. – Вот и наша ключевая фигура в этом эксперименте.

В его голосе Вере послышался двойной смысл. Ключевая фигура. Ключ. Он знал о ее генетической связи с проектом "Кассандра", о ее способности воспринимать частоту аномалии.

– Директор, – она кивнула. – Впечатляющее устройство.

– Результат трех лет разработки и неисчислимых ресурсов, – не без гордости сказал Корнев. – Первый в истории человечества инструмент для направленного взаимодействия с иной реальностью.

Он подвел ее ближе к "Резонатору", указывая на различные компоненты.

– Квантовые процессоры, способные анализировать и имитировать паттерны изменений физических констант в аномалии. Генераторы модулированных полей для создания "эха" этих паттернов. Системы сенсоров, чувствительные к малейшим квантовым флуктуациям.

– А это? – Вера указала на небольшую полусферическую конструкцию, присоединенную к основному корпусу.

– Нейроинтерфейс оператора, – ответил Корнев. – Ключевой элемент системы. Он усиливает естественную способность некоторых людей воспринимать квантовые флуктуации и трансформирует их... интуитивные ощущения в структурированные сигналы для "Резонатора".

Вера внимательно изучала интерфейс. Внутри полусферы виднелся сложный шлем с множеством сенсоров и электродов.

– Как именно работает процесс управления? – спросила она.

– Оператор надевает шлем и погружается в состояние, близкое к контролируемому трансу, – пояснил один из инженеров. – Нейроинтерфейс считывает активность мозга, особенно в областях, связанных с обработкой квантовых сигналов. Система переводит эти данные в команды для "Резонатора".

– Звучит рискованно, – заметила Вера. – Какие есть гарантии безопасности оператора?

– Множество защитных протоколов, – заверил ее Корнев. – Мониторинг жизненных показателей, аварийное отключение при любых отклонениях, фармакологическая поддержка для стабилизации нейрохимических процессов.

Он сделал паузу.

– Разумеется, есть и определенный риск. Мы имеем дело с технологией, выходящей далеко за пределы нашего полного понимания. Но это цена прогресса, не так ли?

Вера смотрела на директора, пытаясь понять, что скрывается за его словами. Предупреждение? Проверка ее решимости?

– Каков план испытаний? – спросила она.

– Трехфазный, – ответил Корнев. – Сначала активация устройства и калибровка интерфейса. Затем установление первичного контакта с аномалией – простой обмен математическими сигналами, похожий на тот, что вы провели с вашим зондом, но более структурированный. И наконец, если первые две фазы пройдут успешно, попытка более сложной коммуникации.

– Какого рода?

Корнев помедлил.

– Мы подготовили серию вопросов. О природе аномалии. О намерениях... тех, кто за ней. О предстоящей Конвергенции.

Вера нахмурилась.

– Вы осведомлены о Конвергенции?

– Конечно, – Корнев слегка улыбнулся. – Как и о проекте "Кассандра", о генетических модификациях, о вашей матери и ее работе. – Он смотрел на нее испытующе. – Вы же не думали, что я назначил вас руководителем научной части проекта только из-за ваших академических достижений?

– Нет, – честно ответила Вера. – Но я хотела бы знать, почему вы скрывали от меня эту информацию. Особенно о моей семье.

– Протокол секретности, – пожал плечами Корнев. – И осторожность. Мы не знали, как вы отреагируете. Учитывая вашу... эмоциональную вовлеченность.

Вера почувствовала, как внутри поднимается гнев, но подавила его. Сейчас не время для конфронтации. Важнее понять, что еще знает Корнев.

– Вы упомянули сообщение с Земли, – сказала она. – Что-то изменилось в ситуации?

Корнев выглядел удивленным, затем бросил быстрый взгляд на Михаила.

– Доктор Левин слишком разговорчив, – сухо заметил он. – Но да, ситуация изменилась. – Он сделал знак инженерам удалиться, затем понизил голос. – Аномалии, подобные нашей, начали появляться в других частях Солнечной системы. Меньшие по размеру, но с идентичной квантовой сигнатурой.

Вера удивленно моргнула.

– Когда это началось?

– Три дня назад. Сразу после инцидента с вашим зондом. – Корнев выглядел озабоченным. – Сначала возле Венеры, затем в поясе астероидов, вчера – около Марса. Они формируются и исчезают в течение нескольких часов, но каждая новая аномалия стабильнее предыдущей.

– Как будто они... тестируют что-то, – пробормотала Вера. – Пробуют разные точки доступа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.